

Колдовские

Миры

ПРАВО СИЛЬНЕЙШЕГО

НЕВЕСТА ВОИНА, или МЕСТЬ ПО РАСПИСАНИЮ

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Кире МакВаррас будущее казалось прекрасным и безоблачным: любимый университет, лучшая подруга рядом, отличные перспективы в карьере и желание брать от жизни по полной программе. Все меняется в один день – ее увозят на историческую родину, в закрытый мир, где дочерям воинов уготована весьма конкретная роль и нет даже шанса противостоять тем, кто умнее, быстрее, сильнее. Это они так думали – быстрые, сильные, наделенные сверхразумом и руководствующиеся исключительно правом сильнейшего тар-эны. Но быть марионеткой в чужой игре – не для Кире, и незапланированные иристанские каникулы превращаются в познавательный практикум по диверсиям. В конце концов, первое правило кадета Космического университета гласит: отомсти и спи спокойно.

Над дворцом хассара Айгора нависла незримая, но уже запланированная угроза...

Елена Звездная

Невеста воина, или Месть по расписанию

Город спал. Жаркий сухой ветер степей оставался горячим даже в предрассветные сумерки, мчась по пустым улицам столицы хассарата Айгора. Ветер шелестел иссыхающими листьями пальм, частицами песка и мусора, и гонимый воздушными потоками песок скрипел по закрытым ставням домов, по плоским крышам, пытался забиться в щели в бессмысленной попытке спастись...

Дейм выглянул из своего укрытия, ожидая того, что происходило в каждом варварском городке этого на первый взгляд отсталого мира. Шум усиливающегося ветра, неясный гул, тусклая вспышка – и наступает странная, почти пугающая тишина. Сухой ветер все так же скользит по улицам сонного города, но уже беззвучно. Не скрипит песок, не шелестит мусор, не видно остатков фруктов, бумаги, ошметков навоза. Чистота! Идеальная, неестественная и абсолютная. Блестят окна домов, безукоризненно чисты дороги, нет даже намека на принесенный ветром песок жарких степей, и поникшие за день растения вновь зелены.

И следов нет. Никаких.

Офицер Таим поднялся, потянулся, сбрасывая напряжение изматывающей ночи, взглянул на крышу – остатки костра, в котором сгорела куртка кадета космофлота, как и ожидалось, тоже были уничтожены системой очистки. А ночь выдалась тяжелая: увести из города девчонку оказалось достаточно просто, замести следы – фактически невозможно. Подлетая к Иристану, он нанял двух наемников на Герсточском астероиде. Первого схватили практически сразу, у второго удалось забрать мастерку Киры, но увести двух черных хайташи за собой оказалось делом безнадежным – ищейки клана Таргар уже взяли след, и второй наемник был схвачен мгновенно, а после началась охота за самим Дамианом. И он впервые с момента принятия знания тар-энов не сумел оторваться сразу. Две конспиративные квартиры оказались накрыты до его появления, и Таим с трудом ушел от преследования, а конкретно от одного воина, который неизменно вставал на его пути, предугадывая действия. И все же ушел, сумел раствориться в предрассветных сумерках и по запыленному в это время года городскому водостоку прорваться практически к центру, где они вряд ли будут его искать. Тар-эны четко знали – беглецы бегут из города, но никак не обратно, а потому у Дейма появился шанс – им он и воспользовался.

«Ты узнал его?» – мысленный вопрос.

И незамедлительный ответ: «Аэ».

«Это я понял, а конкретнее?»

«Он скрыл показатель иерархии».

«Паршиво. – Дамиан оглядел город. – Что с Кирой?»

«Киран МакВаррас, старшая дочь хассара Айгора великого воина Агарна, отданная воину Нрого, великому кагану Шаега, названная великого воина Дьяра, первого воина хассарата Айгора».

«Отданная? Названная?» – не понял офицер Таим.

«Сложно объяснить особенности семейного кодекса тар-энов Иристана. Отданная – воин в честь уплаты долга крови может потребовать ночь, отец вправе удовлетворить требование. Киран – отданная кагану Шаега».

«В смысле будет отдана?» – переспросил Дамиан.

«В смысле уже отдана, – последовал ответ, – долг оплачен».

Дейм сжал зубы, пытаясь сдерживать злость. И перед глазами как наяву предстала хрупкая фигурка Киран МакВаррас, кадета Космического университета, причем кадета высочайшего S-класса. У нее должно было быть блестящее будущее, как минимум капитан военного крейсера, как максимум адмирал. S-класс – элита военного космического флота. Элита! Но вместо карьеры, захватывающих сражений и наградных листов зеленоглазой девчонке достался громадный старый тар-эн Иристана. Хассар попросту расплатился дочерью.

«Как он мог? – мысленный стон».

«Хассар Айгора в своем праве, он отец и повелитель». – Его собеседник был, как и всегда, спокоен и безэмоционален.

Дейм на мгновение представил тушу хассара Шаега на такой хрупкой, такой юной и не имеющей ни единого шанса против симбионта Иристана девушке и не сдержался:

«Мразь!»

«Закон Иристана прост – лучшие женщины достаются сильнейшим воинам. Нрого силен. Право сильнейшего позволяет претендовать на старшую дочь хассара Айгора».

Дейм с трудом подавил ярость. Загнал эмоции под жесткий контроль усиленного чужим разумом, систематизировал информацию и задал новый вопрос:

«Ты сказал «названная». Это о чем?»

«Названная – отданная в жены». – Ответ, как и всегда, прозвучал с ледяным спокойствием.

«Названная великого воина Дьяра, первого воина хассарата Айгора? – Дейм с его обретенной памятью мог запоминать дословно. – То есть хассар Айгора не отдал ее Нрого?»

«Нет. Киран МакВаррас станет женой Дьяра МакВарраса».

«Агарн отдает дочь сыну?!»

«Он воин, его сын воин, родственной крови в них осталось мало».

Таим резко выдохнул и задал следующий вопрос: «Что еще удалось узнать?»

«Правящие не афишируют свое присутствие, но здесь верхушка клана».

«Ясно, – Дамиан в последний раз оглядел город, – время».

Прыжок – и беззвучное приземление с семиметровой высоты. Тело группируется само, ноги безболезненно принимают удар, мышцы отзываются привычным ощущением силы. И он переходит на бег, неудержимый бег, в котором для него больше нет преград. Никаких преград.

Никаких, кроме...

Он замер прежде, чем даже увидел их – трех тар-энов клана Аэ. Остановился, оценивая обстановку. Пустынная улица... бесшумный ветер... бесшумные воины, заступившие дорогу – впереди, словно шагнув из стены, справа, блокируя, поворот на Шоданар, слева, отрезая наиболее безопасный путь к кварталу развлечений.

«Шансы?» – мысленно потребовал офицер Таим.

«Никаких, – после секундной задержки ответил его симбионт. – Это Аэ».

«Рискнем?» – Дейм старался сохранять спокойствие.

«Это – Аэ, – повторил симбионт, – скорость реакции одна сотая секунды, у тебя две десятых. Шансов нет, сдавайся».

«Смешно».

«Мы на территории хассарата Айгора, и ты попадаешь под юрисдикцию хассарата. Эти

шли по следу, они уже знают, что ты не просто инопланетник, следовательно, для допроса призовут эйтну-хассаш. А значит, у нас есть два варианта – вырваться из дома хассара или Кира».

«Кира?»

«Она S-класс, Дейм».

«Очень смешно. – Он не скрыл горькой иронии. – Из дома хассара когда нужно выбраться?»

«До заката».

«Понял».

«Будет больно».

«Даже не сомневался!»

В следующее мгновение офицер Таим вскинул руки вверх и громко крикнул:

– Я сдаюсь.

Тар-эны, блокирующие его отходы, бросили быстрые взгляды на первого, и Дейм мгновенно понял, кто здесь главный.

История первая, с прогулкой, похищением и бегом по подземельям

Мне снился сон. Странный такой, словно у нас учения и маяк спрятали где-то в скалах, а снаряжение нам не выдали. Вообще никакого: ни тросов, ни страховки, ни даже специальной обуви. И я карабкаюсь наверх, срываюсь, падаю, едва успеваю ухватиться за выступ, зависаю буквально на пальцах, подтягиваюсь и продолжаю подъем. А в наушнике голос мастера Лоджена: «Прохождение пятнадцать процентов. Плохо, МакВаррас». И так хочется сказать, что без снаряжения я тут болтаюсь как кусок, но по уставу такое говорить не положено, и я, сцепив зубы, снова ползу вверх. И мозгами ведь понимаю: без зацепа мне вон тот скальный выступ, что в трех метрах над головой, просто не взять. Мозгами понимаю отлично, но приказ есть приказ, и я продолжаю подъем. А скальный выступ все ближе, ближе, ближе...

«Обходить нужно, плевать на время, но по прямой я подъем не закончу, значит, в обход», – подумала я и проснулась.

За окном шумел прибой, слышался крик каких-то ссорящихся птиц, видимо, рыбку не поделили, а еще в спальне царил бодрящий морской воздух! И настроение сразу стало такое здоровское! Здоровское и победительное! Во-первых, я сбежала от папандра! Во-вторых, у меня есть два дня на изучение Иристана, и планетка, должна признать, интригующая. А в-третьих, кое-кому пора платить по счетам.

Короче, дел море, пора вставать.

Сладко потягиваясь, я невольно задела Икаса и тут же погладила обиженного зверя. Шерстусик после моих потягушек устроил собственные, смешно прогибаясь, затем Икас зевнул... И там такой оскал внушительный. Я засмотрелась, Икастик, кося глазом, раскрыл пасть еще шире, демонстрируя все имеющиеся клыки. Острые такие.

– Издеваешься? – весело поинтересовалась я.

Зверь щелкнул челюстями, заурчал и, подползая поближе, расположил морду на моем плече, уткнувшись носом в ухо и смешно засопев. Нос холодный – и в ухо! Я дернулась и вскочила. Хитрая животина растянулась на всей постели, умильно виляя хвостом.

– Нет, это уже наглость!

Хвост задвигался интенсивнее.

Икас перекатился, потом снова растянулся на всю постель, радуясь, что я площадь освободила, опять зевнул и, уткнувшись носом в мою подушку, нагло продемонстрировал желание подремать еще.

– Лентяй, – притворно возмутилась я.

Зверь фыркнул, вильнул хвостом и демонстративно закрыл глаза, притворяясь спящим. Короче, мне предлагали проваливать и не мешать спать некоторым с зубами и шерстью.

Вот так, шлепая босыми ногами по полу, я проследовала через комнату, спустилась по винтообразной, прорубленной в скале лестнице и завалилась на кухню, где меня накануне торопливо кормил ужином Накар.

Так как в процессе вваливания на эту самую кухню я отчаянно зевала, то как-то не сразу сообразила, что Накар там не один.

– Ого, – сипло выдал кто-то.

– Это новенькая? – спросил женский голос.

– А татуировка откуда? – вступил в разговор кто-то третий.

Резко перестала зевать, обвела взглядом сжатое до минимума пространство кухни и узрела Накара в сером тренировочном костюме, занятого кофейным аппаратом, а за столиком пятерых-четырех мужиков бандитского вида и одну темноволосую, очень накрашенную женщину в зеленом, ну совсем облегающем платье.

И так как я пришла, а они уже сидели, мне пришлось начинать первой:

– Здравствуй, я Кира.

– Джем, – отозвалась женщина, взмахнув накладными ресницами, сантиметров в пять длиной.

– Гейто. – Мужик с козлиной бородкой отсалютовал стаканом с чем-то очень алкогольным, судя по виду самого мужика.

– Генри. – Темнокожий чуть кивнул.

– Сид. – Высоченный худой дядька говорил с трудом, что неудивительно, учитывая его расквашенный, видимо накануне, рот.

– Да без разницы тебе моя кликуха. – Последний мужик, тощий, с усами и глубоким шрамом, пересекающим левую сторону лица, не пожелал представляться. – Накар, это что за птичка?!

– Важная, – отозвался тот, – шеф сказал беречь.

На меня оценивающе посмотрели, женщина фыркнула, вердикт мужиков был написан на их лицах.

– Да, я в курсе, что ничего так на морду лица, – сообщила я, пройдя на кухню, и, протиснувшись мимо оккупантов, начала наливать себе кофе. – Накар, шеф связывался?

– Угу. – Мне передали тарелку с завтраком. – Маман тоже связывалась, оба сказали сидеть тут и не рыпаться. Заберет тебя Демон, мать свернула к Игарсе, будет ждать вас там.

– Супер. – Что тут еще можно было сказать.

Я тарелку взяла, чашку тоже, и так держала, а сесть было некуда. Кухня у них тут маленькая и техникой заставленная, и стол всего один. Гейто заметил задумчивое выражение моего лица и догадался подвинуться.

– Пасиба. – Я уместилась на узкой скамейке.

Поправила волосы, чтоб не мешали, и с аппетитом начала есть омлет с грибами и вареную рыбу. Что-что, а готовил подчиненный шефа здорово.

Некоторое время за мной наблюдали, потом вернулись к прерванному разговору.

– Джем, что у нас на вечер? – спросил Накар.

Женщина выразительно взглянула на меня, и Накар пояснил:

– Своя. В доску.

После этого присутствующие перестали выбирать слова и выражения и приступили к банальному обсуждению текущих дел.

– У нас три бойца, – начала Джем, – по поводу четвертого пока не ясно, правящий клан лютует, возможно, Гейр не успеет добраться.

– Поговаривают, вчера Штофа накрыли. – Генри недовольно поморщился.

– Какого глюченного сейра? – Накар был явно недоволен случившимся.

– Ну, та история, – Генри скривился, – с изнасилованием иристанки...

На мгновение на кухне стало тихо, даже я жевать перестала, а потом, хлопнув себя по лбу, Накар вспомнил:

– А-а... все понял. И что там?

– Казнят, естественно, – меланхолично произнесла Джем, – это же хассарат Айгора.

– Так там вроде по согласию было, – задумчиво пробормотал Накар.

– А кого это... скажем так, волнует? – Джем хмыкнула. – Штоф приезжий, таким на местных вообще смотреть нельзя. Ее отец сын война, то есть семья привилегированная, и девчонка в первую очередь прошла бы смотрины в доме главы клана МакОрат, и, только если бы не подошла никому из клана, ее отец мог бы впарить кому-то из местных. А Штоф не местный, и его предупредили. Так нет же – любовь у них.

Тут уж я не выдержала и спросила:

– А с девушкой что?

Джем грустно улыбнулась и ответила:

– Тар-эны с женщинами не воюют. Получит свои десять плетей и пойдет в услужение к деду – главе клана МакОрат.

– И?

– И все, Кир, – вместо Джем ответил Накар. – Для нее все, девочка нарушила запрет отца, а неповиновение на Иристане наказывается крайне жестоко. Впрочем, это неважно, а Штофа жаль, знающий был мужик, изворотливый.

В кухоньке с удручающе-желтым потолком и серыми стальными стенами снова стало тихо, затем Гейто выдал:

– Помянем, – и махом выпил все из стакана.

– Помянем, – отозвались остальные, выпивая у кого чего было.

– Подождите! – Я возмущенно потрясла куском рыбы, наколотым на вилку. – Что значит «помянем»? То есть там чела ни за что укатают, а мы только помянем? Накар, а он вообще еще живой?

Мужик скривился так, словно кислоты потребил, и нехотя ответил:

– Живой. До заката. Потом привяжут напротив столба, где девочку угостят кнутом, и заставят смотреть, ну, а после она полюбуется на то, как ему разгерметизацию брюшной полости устроят.

– В смысле? – не поняла я.

– Брюхо вскроют, – жестко пояснил Гейто.

Меня от таких перспектив мороз пробрал, а они все ухмыляются, снисходительно так.

– Кира, ты вроде из наших, а реагируешь как медик со стажем, – поддел Накар, – расслабься, на место Штофа другого поставим, и с концами. Надо было головой думать, а не...

Повисла очередная пауза. Нет, на что намекал Накар, я догадывалась, но как вспомню блондина, наши жаркие объятия в квартале развлечений и... и как-то сразу этого Штофа жалко до слез, и девушку тоже, этим чувствам же нереально сопротивляться. По себе знаю.

– Забей, я сказал, – припечатал Накар напоследок и вернулся к беседе: – Что у нас дальше?

Рассеянно допивая кофе, я слушала про темные делишки подчиненных шефа. Какие-то поставки сорвались, на орбите перехватили два корабля контрабандистов, и опять недобрым словом был помянут правящий клан. Какие-то девочки новые приехали, но Джем большую половину назад отправила.

– Лезут сюда со всей галактики, – пожаловалась она мне, – но Иристан не Союз Алтари, здесь своя специфика работы.

– Это какая? – заинтересовалась я.

– Воины – собственники. – Джем взмахнула ресничками и пожалала плечиками. – У них может быть и одна, и две, и три, но при этом он у женщины будет только один. Да и выбирают крайне придирчиво, тут только у одной из десяти воин. Специфика Иристана.

– Э-э-э... – Что-то не укладывалось в голове. – А как же тогда остальные девять, что без воинов?

И Джем начала объяснять как маленькой:

– Мужчин тут много, воинов мало, иристанок тоже мало, поняла?

– Неаа.

– И не надо, – милостиво разрешила Джем, – лучше сваливай отсюда, и поскорее. Ты, кстати, чем занимаешься?

Я так поняла, что она спросила, чем я на шефа подрабатываю, ну, и ответила предельно честно:

– Организация и проведение нелегальных гонок.

За столом стало тихо. И тут тот мужик, что представляться не захотел, фыркнул и громко так:

– Точно, блондинка и брюнетка, а я все понять не мог, откуда тебя знаю. Ты – Кирюсик!

– Так вроде говорила уже, – недовольно пробурчала я.

– Джокер, – представился мужик. – Слушай, у нас гонки сегодня...

– Кира не участвует. – Накар решительно поставил чашку на стол. – Приказ шефа.

Мы все с умным видом покивали, а потом я, перегнувшись через стол, потребовала ответа:

– Что за гонки?

Джокер, абсолютно наплевав на присутствующих, тоже потянулся ко мне и начал объяснять:

– На лемаках, это шестипалые ящеры. Их растят на мясо, но самцы лемаков, которые оставлены для размножения, вырастают здоровенные, и вот на них устраиваются гонки. Потрясающее зрелище – подземный город, а такой только здесь, в Айгоре, имеется, ровные улицы, толпы народа на зданиях и разъяренные лемаки. И мне позарез ведущий нужен!

И я поняла, что ХОЧУ там быть! Очень-очень-очень хочу! Таинственный подземный город, гонки на ящерах, толпы народа...

– Э-э-э, Накар? – Я подняла глаза и с мольбой посмотрела на своего временного вроде как опекуна. – Только на один вечер.

Мужик усмехнулся и тут же едва заметно скривился – видимо, Дейм перестарался вчера. И вот с кривоватой миной Накар мне и ответил:

– Кира, начнем с того, что правящий клан охотится именно за тобой, и клан МакВаррас также, и даже МакДрагар, поэтому сидишь здесь и не высываешься, на этом все.

Сижу, на меня заинтересованно поглядывают все присутствующие. И так заинтересованно глядели ровно до слов Накара:

– Она дочь хассара Айгора.

Теперь посмотрели еще заинтересованнее, а Джем неожиданно рассмеялась, причем как-то нервно поначалу, но потом залилась хохотом так, что чашки на столе задрожали.

– Э, хватит уже, – возмутилась я.

Она перестала. Потом посмотрела на меня и снова начала хохотать, мужики просто усмехались, но вежливо помалкивали.

– Бракованный навигатор, ну, не всем же везет с отцами! – меня как-то нервировал этот приступ хохота.

Джем успокоилась, только плечики тряслись, и как выдаст:

– Да, детка, тебе не повезло, даже не спорю.

В этот момент открылась дверь. Сначала просунулась внушительная морда Икаса, затем он сам. В кухне мгновенно стало очень-очень тихо, а трое из присутствующих мужчин едва заметно потянули руки к поясам.

– Зверь свой, – тут же вмешался Накар.

Напряжение заметно спало. Зато я тут же вспомнила о важном.

– Мне в другом повезло, – гордо заметила я, обращаясь к Джем. – Плевать на папандра, у меня вон какое чудо есть. Наглое, правда, но уже очень любимое.

Икас тут же завилял хвостом и рванул ко мне, перепрыгнув стол и сидящих за ним людей, и все это, не потревожив ни мебель, ни утварь. Приземлился так, словно весил как пушинка, но тут же толкнул меня мордой в спину, развеяв предположение о своей невесомости.

– Ух ты, – только и сказала я.

– Ссснежная смерть, – пробормотал Джокер.

Накар поднялся и подошел к холодильной камере. Вынув оттуда внушительный кусок мяса, быстро освободил его от пленки, поискал тарелку, и вскоре Икасу был предложен завтрак. Мой снежный зверь с урчанием и рычанием набросился на угощение, причем что-то я не помню, чтобы он колбаски ел с таким же аппетитом.

– С трудом нашел нужное мясо, всего в одном месте было, и вообще повезло, что завезли утром, – с улыбкой глядя на обжираловку Икаса, произнес Накар. – Эти звери практически всеядны, но все же генетически приемлемый рацион у них мясо горных коз. А вообще я тебе справочник по вымершим видам нашел, почитай потом, чего твоему зверю надо и как за ним лучше ухаживать.

Я послушно кивала, пока до меня не дошел смысл фразы «вымершие животные».

– Что значит «вымершие»? – тут же спросила я, хотя встревожило что-то другое, и я никак не могла понять что.

Что-то царапнуло, связанное с мясом, но что?!

– Снежная смерть – возрожденный вид, – пояснил Накар. – А так вымерли они семь тысяч лет назад, причем все и разом.

Удивленно смотрю на Икаса, тот, продолжая порывивать, доедает мясо. И все на него посмотрели, в итоге мой зверь поднял окровавленную морду, и я могу поклясться – ощерился он исключительно, чтобы нас напугать. Действительно напугал, все вздрогнули разом, а эта морда хитрая тут же хвостом завилял и вернулся к завтраку.

– Так это, можно я в гонках? – также вернувшись к завтраку, спросила я у Накара.

Тот отрицательно покачал головой.

– А посмотреть? – взмолилась я.

– Под ответственность Джокера. – Накар вернулся за стол.

Мы с Джокером переглянулись и разом кивнули.

И все – жизнь снова прекрасна, наполнена приключениями и...

– Я его еще не доела! – обиженно сообщаю Икасу, который свой хавчик умял, морду облизал, а теперь, пока я тут строила планы на вечер, нагло стащил мой бутерброд.

Ответом на мое возмущение стало виляние хвостом, и вдруг Джем протянула:

– Кира, мне просто интересно, а ты своего жениха видела?

– Прого? – почесывая у Икаса за ухом, ибо злиться на него невозможно, переспросила я.

– Дьяра, – пояснила Джем.

– Вчера? – уточнила я.

– Сегодня.

– Не-а.

– Ну, – женщина хихикнула, – отличить его теперь несложно – у него волосы короткие, а у его приближенных воинов первой руки местами... проплешины.

И тут я сообразила, кто вчера ввалился следом за папиком и в отличие от него не сумел на ногах удержаться. Думала, просто воины, а оказывается, это Дьяр со своим отрядом... потенциально бритоголовых! Мы с Джем переглянулись и захохотали теперь обе!

Потом было не так весело – народ ушел по делам, Накар выдал мне схему этого подземного жилища и справочник с инфой про Икаса, мама на связи не появилась, шеф грубо буркнул «занят», до родной планеты и соответственно Микуси сигнал не доходил. И потому мы с Икасом устроились в той самой спальне с окнами на море, где я ночь провела, и начали изучать... выходы и входы, а также план самого города, который почему-то назывался Кхара, то есть «меч». За что так безбожно обозвали город, я не знала, но, на мой взгляд, жестоко. Вот, например, спросят тебя: «Где ты родилась?» И что ответить? «Я родилась в мече?» Или: «Я родом из меча?» «Родина моя меч?» Бред получается.

– Агурр, – вдруг произнес Икас и с тоской посмотрел в открытое окно.

Запоздало вспоминаю, что передо мной живое существо, а любому живому существу требуется удовлетворять естественные потребности. И вот вопрос – а пользоваться туалетом Икас умеет?

– Уррр, – снова напомнил о себе зверь.

– Мм, проблема... – Я задумалась. – Ладно, пойдем погуляем к морю.

Используя схему входов-выходов, мы спустились по крутой лестнице и, пропетляв минут десять, вышли в какой-то грот. Икас умчался мгновенно и где-то там, вдали, явно слился с природой, а я присела перед дверью, оглядывая пространство.

Грот был огромный, темный, серый, с водой по дну и массой как сталактитов, так и сталагмитов, стремящихся слиться в страстном поцелуе... Ну, лет эдак через пару миллионов шанс у них будет. Метрах в трехстах от нас виднелось светлое пятно моря, но явно выход из грота уходил под воду, потому как солнца здесь не наблюдалось и в помине. Я еще немного посидела, позволив глазам привыкнуть к полумраку, а затем решила спуститься и погулять.

Но стоило мне начать слезать по стене, к прогулкам не предназначенной, как послышалось сначала глухое рычание, а затем меня ухватили за шкуру и буквально швырнули на ровную площадку перед дверью. Я сначала дернулась, затем выхватила нож и лишь после этого повернулась к чудовищу... которое умильно мне хвостом виляло!

– Икас! – рявкнула разозленная я, потирая шею, которую внушительные клыки чуть оцарапали. – Это не игры! Нельзя так поступать с хозяевами или владельцами, или кто я там тебе!

Зверюга заинтересованно на меня смотрела, язык из пасти свесился, но стоило мне встать и снова подойти к краю, чтобы попытаться слезть, как Икас, боднув головой, отшвырнул меня от спуска и зарычал. В общем, ясно одно – пошла я читать про этих Снежных смертей, а то мы как-то друг друга явно не понимаем.

Когда поднялись на кухню, потому как я от обиды проголодалась, там уже был Накар.

– Где гуляли? – наливая себе чаю, поинтересовался наш гостеприимный хозяин. Хотя вид у него был какой-то подавленный.

– Справляли естественные надобности. – Я тоже взяла чашку и пошла наливать себе кофе.

– Да? – Накар удивленно посмотрел на меня. – А что, туалет для этого не годится?

– Мне – да, Икасу – нет, вот мы и спустились в грот...

Накар, который как раз глоток сделал, вдруг подавился. Захрипел, закашлял, пришлось срочно спасать, то есть проверять его спину на прочность. Мужичу полегчало не сразу, но, едва вернув возможность говорить, Накар прорычал:

– Куда вы спускались?!

Молча достала схему, указала направление движения и точку выхода. Кое-кто посерел, потом побелел, в итоге хрипло у меня спросил:

– Вниз спускалась?

– Нет. – Я плечами пожала. – Икас взбесился и не пустил.

Кивнув, Накар прошел к холодильной камере, достал огромный кус мяса, больше, чем утром, поставил на медное блюдо, водрузил все это перед Икасом со словами:

– Заслужил. Кира, а ты со мной!

Мы утопали из кухоньки, прошлепали по каменному переходу куда-то в глубь скалы и вышли к галерее протяженностью метров десять, со стеной из темного, видимо, снаружи имитирующего скалу стекла. Накар кивнул на диванчик, сел рядом, и понеслось. Для начала мне высказали очень много интересного по поводу моего поведения, и самым цензурным было: «Шаакская тупоголовая овцелощадь!»

– Стой. – Обалдев от такого количества новых эпитетов, я несколько минут просто молчала, но после такого не выдержала: – Можно я запишу?

– Про овцелощадь? – уточнил Накар и, едва я кивнула, устало ответил: – Не стоит, они все равно оказались нерентабельны, как и выращивание конопли на Шааке.

И Накар снова сник. Он вообще был какой-то угнетенный, излишне задумчивый и расстроенный.

– Что-то случилось? – осторожно спросила я.

Кивнул, затем отрицательно мотнул головой и устало сказал:

– Дай с воспитательным процессом закончу, потом с остальным разбираться будем.

Далее последовала короткая лекция на темы: «Не суй свой нос, куда не следует» и «Иристан опасен! Запомнила? Забудь! Запомни лучше, что Иристан смертельно опасен и сдохнуть тут раз плюнуть!». Я честно ответила, что не плююсь, и вообще это неэстетично, и разбор полетов был закончен.

Через минуту на столик передо мной лег проектировочный сейр диаметром сантиметров в сорок, после чего Накар сел рядом, обнял меня за плечи и произнес:

– Слышь, новое поколение, свежие мозги и безголовость с находчивостью, тут такое дело, – он едва слышно выругался, – мне бы Штофа вытащить.

– Мм? – Я удивленно посмотрела на трехмерную проекцию здания, поднимающуюся из сейра.

– Если мы что-то и сможем сделать, то только в момент, когда он будет здесь, – произнес Накар, указывая на обнесенный забором внутренний двор.

Ну и большего он мог не говорить. Мои пальцы запорхали над сейром, приближая изображение конусообразного строения, отдельные его части, стены.

– А почему такая форма странная? – не удержалась я от вопроса.

– Казнь будет в родовом поместье МакОратов, это к западу от города, и вот это странное строение и есть дом главы клана. Что касается формы – песчаный климат, жара до пятидесяти градусов, так что...

Я разобрала строение на секторы. Получалось, что конус образовывал забор и высота его достигала метров двенадцати, а собственно дом и, соответственно, нужный нам двор находились внутри строения. Да, сверху не подберешься. И альпинистское снаряжение не сильно поможет – слишком широкий угол обзора у камер, засекут моментом.

– Да, задача сложная, – вынуждена была признать я.

– Даже не представляешь насколько. – Накар сжал зубы, а потом резким хриплым голосом объяснил: – Понимаешь, Штоф не дурак и предпринял меры для того, чтобы у нас появилось желание вытащить его из передрыги. Не предупредил, правда. И вот теперь существует жизненно важная необходимость сохранения Штофа, но Демон, падла, на вызов не отвечает. Спецов его уровня на Иристане больше нет, а Штоф мне нужен, вот и придется заняться этим самому.

Дейм не отвечает? Это было странно, хотя кто знает, где его носит... И все же странно.

– Ну так что, есть идеи? – нервно спросил Накар.

С идеями было как-то туго... привыкла я, что мы все с Микой обсуждаем. И потому я сначала долго и задумчиво рассматривала схему и изображения странного поместья, ну а в итоге начала задавать вопросы:

– А как мы туда доберемся?

– Не мы, а я и мои парни, – отрезал Накар.

Я снова посмотрела на карту и спросила:

– И каковы у вас шансы на успех?

– Никаких, – хмуро сознался он. – Мы не связываемся с воинами никогда, вообще. Но Штоф знал, как вынудить меня пойти фактически на самоубийство. Хорошо мужик застраховался, качественно так. – Он едва слышно выругался.

Я задумалась, оглядывая стены, в результате начала предлагать варианты:

– Взрывчатка?

– Засекут. Ты не смотри, что стены из необработанного камня, там столько всего встроено, что система охраны отслеживает даже прицел, не то что выстрел.

Да, как все сложно-то. Я вообще смотрю, тут технологии почище танаргских, а в отношении тех военизированных кадров у нас существовало правило: «Первым разрабатывается план отхода». Ага, то есть сначала надо было просчитать, как улепетывать будем, и только потом думать о нападении. Я на этом завалила первый тест – у меня стратегий атаки было шесть, а отхода только две, неуд сразу поставили.

– Так, а как вы уходите отсюда будете? – решила я начать с первостепенного.

Накар обозначил на карте подземный ход, указал точку выхода, затем, стремительно развернув изображение так, что мы теперь как бы снизу смотрели, продемонстрировал систему упоров.

– Ход старый, – пояснил он, – такое ощущение, что когда-то иристанцы не выходили на

свет и жили под землей. Там целые города есть, улицы, дома... много всего. Игрушки детские даже... жутко было поначалу, потом привыкли.

Я заинтересованно посмотрела на него и спросила:

– А зачем вы вообще туда залезли?

Хмыкнув, Накар загадочно произнес:

– Воины не любят спускаться в подземелья, мы этим пользуемся.

Задумчиво поводи́ла пальцем по сейру, переспросила:

– Иристанцы не любят?

– Нет. – Накар встал, достал плошку с соленым печеньем, вернувшись, протянул мне к кофе и продолжил: – Именно воины. У тар-энов, несмотря на массу достоинств, есть два недостатка: они опасаются эйтн и очень не любят подземные города. Их прямо трясет, если приходится спускаться. Не всех, но большинство. И знаешь, меня это всегда удивляло, ведь на других планетах этих громил ничего не беспокоит даже при спусках в шахты.

Да, интересная особенность. И тут у меня что-то щелкнуло, и, резко подавшись вперед, я начала стремительно просматривать двор и все строение родового замка этих МакОратов. И я вдруг подумала: а что, если совместить нападение и отход? И следы замести так, чтобы воинам путь отрезать? В воздухе и на земле такое невозможно, но подземелья открывали совершенно иные перспективы. А использовать тяжелую артиллерию, чтобы накрыть нас, они не станут – все же родовое поместье, любимое, лелеемое, вряд ли они не позаботятся о сохранности родных стен.

– Мы подкоп сделаем! – решительно произнесла я, приступая к разработке плана.

Накар задумчиво посмотрел на меня, затем на схему подкопа, которую я торопливо вычерчивала.

– Не пойдет, – был его вердикт, – нас засекут в двадцати метрах до стен. И накроют.

– Засекут под землей? – продолжая чертить, спросила я.

– Киран, еще раз, у них очень-очень-очень сильная система охраны, самообучающаяся и снабженная искусственным интеллектом.

На секунду остановилась, припомнила папандров дворец, собственно воинов, их поведение и прямо спросила:

– Тар-эны позволяют системе самой принимать решения?

– Естественно, нет, воины всегда и все контролируют сами.

Коварная улыбка. Моя. И заметив недоуменный взгляд Накара, я пояснила:

– Первое правило диверсионной деятельности: используй слабости противника.

Хмыкнув, Накар серьезно произнес:

– У тар-энов нет слабостей.

– Ну почему же, – вернулась к чертежу, – одну мы уже нашли – они слишком любят все контролировать. И если система безопасности не может принимать решения самостоятельно, значит, она будет согласовывать вопрос собственно с тар-эном.

– Главой клана МакОрат, – уточнил Накар.

– Да без разницы. – Я приступила к расчетам необходимой силы взрыва. – Тар-эн – вот звено в цепи «обнаружение-уничтожение». И единственное, что нам нужно, – это отвлечь противника.

– Надолго ты его не отвлечешь, – резонно подметил мой собеседник.

– Надолго и не потребуется. – Указав на стену, пояснила: – Нам важно подобраться настолько близко, чтобы тар-эны оказались перед выбором – уничтожение «кротов» или

сохранность родового замка. И этот выбор как минимум даст нам еще секунд тридцать.

– Неплохо! – В глазах Накара начал загораться огонек надежды. – И какой отвлекающий фактор будет использован?

– Я, – скромно ответила кадет Космического университета.

– Ты? – Огонек надежды начал гаснуть.

– Я, – спокойно подтвердила и ну очень скромно добавила: – А также стереосистема с уровнем громкости не менее 140 децибел, фейерверк класса «Звездный гром», и не забываем про Икасика, он прикроет меня в случае необходимости.

– Ты оглохнешь, Пантеренок! – не сдержался Накар.

– У меня будут наушники, а звуковая волна не на меня будет направлена.

– Конус, – напомнил он, намекая, что звуковая волна отразится от стен и вернется практически в полном объеме.

– Наушники, – с нажимом повторила я.

Задумавшись, Накар выдал:

– А-а... ммм... максимум 110, ничего мощнее у меня нет. Фейерверк... есть мини-установка, даже три, и вес приемлемый, сможешь пронести. Но как ты пройдешь?

Завершив рисовать план-схему, я с самой милой улыбкой указала на центральный вход.

– Ну ты и наглая, – восхитился Накар.

Так приятно стало.

– Далее, – я вернулась к плану, – шоу на мне, и отработаю я на уровне, даже не сомневайся. Теперь о подкопе – предлагаю использовать взрывчатое вещество неполного горения с режимом распространения пламени – детонация.

– Направленный взрыв без доступа кислорода... – правильно понял меня Накар. – Дай сюда.

Забрал сейр, взгляделся в формулы расчета необходимой мощности взрыва, кивнул и выдал:

– Сделаем. У меня на Иристане есть спец, сделаем за час.

– Это будет весело! – не сдержалась я. – И да, девушку забираем тоже.

Хмыкнул, снова оглядел план и подытожил:

– Рискуешь. Но ты женщина, тебя не тронут. Икас – легендарная Снежная смерть, его тоже никто не рискнет даже ранить, все в курсе, кому принадлежат эти звери. Вас просто попытаются схватить – тебя до выяснения, Икаса... ну его, думаю, попробуют накрыть сетью, транквилизаторы на них не действуют. И знаешь, полагаю, может сработать.

Жизнь снова была прекрасна!

* * *

Он не понимал, где находится. Утратил чувство ориентации уже после первого удара и не сумел прийти в себя окончательно. Мотнул головой, прогоняя чувство боли, и попытался собраться. И замер, наткнувшись на пристальный, внимательный, изучающий взгляд. Аэ! Правящий клан.

«Началось внутреннее кровотечение. – Голос его симбионта прозвучал, как всегда, совершенно спокойно. – Ты должен заговорить».

«Нет». – Больно становилось при одной мысли, что допрос продолжится, но...

– Общение с внутренним «я»? – с усмешкой произнес воин в черной рубашке, скрывающей как знак клана, так и какие-либо признаки принадлежности к иерархам Иристана. – Полагаю, мы имеем возможность лицезреть индивида, сумевшего проникнуть в Каарду шесть лет назад.

Сидящий рядом с тар-эном из правящих воин резко выдохнул и произнес:

– Он мертв.

– Гарданг, – голос правящего был абсолютно спокоен и лишен каких-либо эмоций, – перед нами иномирец с характеристиками тар-эна. И мы имеем всего один факт несанкционированного проникновения в защищенную зону. Сопоставь факты.

«Я был единственным?» – не поверил Дейм.

«Учитывая их систему защиты, удивляться бессмысленно», – мрачно ответил симбионт.

– Мне безумно интересно было узнать больше о той давней истории, – продолжил правящий, не сводя взгляда с Дамиана, – но в данный момент меня интересует девушка.

«Нужно ответить», – приказал симбионт.

«Нет».

Офицер Таим ответил внутреннему собеседнику, но упрямо сжавшиеся челюсти и сузившийся от ярости зрачок не были оставлены без внимания. И тар-эн сделал верные выводы.

– Очень глупо с вашей стороны, – медленно произнес Аэ.

Именно так он начал говорить в самом начале их «беседы». С пугающим спокойствием. И Дамиан уже знал, что за этим последует боль. Жуткая, невыносимая, убивающая разум и волю боль, с которой не справлялся даже его симбионт.

«Ты не выдержишь, – предупредил симбионт, – я не могу больше блокировать нервные окончания. Начинай говорить!»

И Таим сдался:

– Она из квартала развлечений...

Правящий промолчал, второй тар-эн холодно произнес:

– Нам известно, что девчонка была в квартале развлечений. И тот факт, что она не тьяме, известен так же. И...

– Достаточно, – оборвал его Аэ.

Дейм сжал зубы, пытаясь вернуть самообладание. Да, им удалось узнать практически все: когда он прилетел, где нанял двух наемников, они оба раскололись сразу и как певчие птички выводили рулады на два голоса. И путь Киры от квартала развлечений воины выяснили так же, практически до вырубленного Деймом патрульного отряда. Но дальше... он подавил усмешку, дальше отследить они не сумели. И даже глава клана Таргар, один из лучших следопытов Иристана, следов не обнаружил.

Открылась дверь, вошел правящий из воинов первой руки, прошел к столу и, склонившись, начал говорить:

– Хассар Айгора настаивает на передаче преступника в руки правосудия клана МакВаррас.

– Настаивает? – Правящий усмехнулся. – Забавно. Хассар свершит правосудие после того, как эйтна-хассаш проведет допрос. – Тар-эн говорил все так же спокойно, но Дейм понял – хассару придется принять именно это и никакое иное развитие ситуации.

– Передам дословно. – Воин покинул мрачное помещение, освещаемое лишь искусственным светом.

Офицер Таим взглянул на правящего и вздрогнул: тот продолжал внимательно изучать его, отслеживая каждую эмоцию, каждое движение. И внутри все похолодело.

– Как тебе вся эта ситуация? – тихо спросил Гарданг, чувствовалось, что ему не по себе.

– Ситуация? – задумчиво повторил Аэ. – Ситуация вызывает все больше вопросов... как и хассар Айгора. И дочь, привезенная им. И Снежная смерть, сопровождающая девушку. И конфликт кланов МакВаррас и МакДрагар, который оба клана старательно отрицают.

Дамиан напрягся, изо всех сил стараясь выглядеть ничего не понимающим, но... но синий взгляд правящего, казалось, ловил каждую его мысль.

И лишь Гарданг не мог понять:

– Что мешает сложить имеющееся в единую картину?

– Девушка, – спокойно произнес Аэ. – Дочь хассара была отдана Нрого, а искомая нами не принадлежала никому.

Дейм замер на миг, пытаясь осознать услышанное. Осознал, не сдержал полного облегчения вздоха... и слишком поздно понял: правящий говорил на всеобщем, а до того переговоры велись на древнем языке Иристана.

– Так, значит, все же Гаэра, – задумчиво произнес тар-эн. – Забавно, что, с одной стороны, мы имеем дело с офицером разведки, с другой – девушку прикрывает преступный клан, а с третьей – у нее почему-то зверь клана МакДрагар. И да, глупо упускать такую деталь, как активные поиски, видимо ее же, кланом МакВаррас. Не женщина – загадка.

«Я предупреждал, – в голосе симбионта впервые послышалась злость, – это правящий клан!»

«Они все равно ничего не знают», – возразил Дейм.

«Вопрос времени. Не долгого. Например, времени до появления эйтны, потому что, когда (раз мы убрали объяснительные моменты, убрала временные рамки здесь) эйтна-хассаш займется моим допросом, промолчать я не смогу».

– Разведка Гаэры? – переспросил Гарданг. – Полагаешь, они действовали по приказу?

– Искренне в этом сомневаюсь, – протянул Аэ. – Девушка прибыла на Иристан ранее, и абсолютное отсутствие информации о традициях и устоях нашего государства позволяет предположить, что прибыла не по своей воле. А вот этот индивид прибыл ее спасать, – с иронией добавил тар-эн.

Дейм отвел взгляд.

– Я абсолютно прав, – констатировал правящий.

* * *

К конусообразной махине кланового замка МакОратов меня с Икасом подбросил Накар, сам же стремительно улетел за холм готовить вторую фазу операции. Ну а я, в ярко-алом брючном костюмчике, с распущенными волосами, рюкзаком за плечами и изрядным запасом наглости, потопала напрямик к воротам резиденции клана. Нагло, спокойно, с самой счастливой улыбкой. Я действительно была счастлива, абсолютно и полностью, мне безумно нравилась затея!

И вот иду я, огибаю холм и выхожу на прямую, аккуратно в поле зрения стоящих у ворот воинов. Тар-эны, узрев меня и Икаса, переглянулись и даже не сдвинулись с места, ожидая, пока подойдем. И мы пошли: Икастик, осторожно ступая по раскаленной солнцем дороге, и я,

модельной походочкой с элементами стрип-пластики. В итоге, несмотря на наличие легендарной Снежной смерти, все три воина смотрели только на меня... Правда, один из них при этом скривился, как от ящика лимонов, и выглядел как-то... Как-то знакомо очень.

И я его узнала!

– МакОрат, – заорала я во все горло стремительно краснеющему воину, – как же я рада тебя видеть!

Он дернулся в попытке избежать повторного контакта с принцессой, то есть со мной. Это он зря!

Мой забег к тому самому воину, у которого я на корабле во время полета на Иристан пыталась выяснить по поводу трех тысяч способов получения удовольствия, был достоин кадров какого-нибудь любовного триллера! Я бежала, раскинув руки для радостных объятий, нацелив свой забег исключительно на его краснеющую и заикающуюся персону и предвкушая лучшую из забав – издевательство над ближним!

– МакОрат, – завершив забег, я прыгнула и повисла на его шее, – родной, я так соскучилась!

Далее была немая сцена, в которой два воина в оцепенении смотрели на МакОрата, чья шея подверглась наглому нападению невменяемой девы, а сам он предпринимал неуклюжие попытки отцепить мои руки.

– Принцесса Киран, – краснея, бледнея и краснея снова, пробормотал тар-эн, – принцесса...

– Для тебя – просто Кирюсик, – проникновенно прошептала я, глядя в его ошалевшие глаза. Но это было только начало. Продолжая висеть на нем, я громко спросила: – Ну, а теперь скажи мне, радость моя, ты уже выяснил, что такое процесс зачатия? Ммм?

После сего вопроса меня таки оторвали от собственной груди и, удерживая на вытянутых руках в висячем положении, попытались призвать к порядку:

– Принцесса Киран, женщина не должна позволять себе подобных выражений и...

– Так. – Я заставила его себя опустить, затем сложила руки на груди и профессорско-менторским тоном поинтересовалась: – То есть ты столько времени дурью маялся, а про важное не узнал?! Ужасно, МакОрат! Просто ужасно! Как ты мог?

Несчастный воин побледнел, потом густо побагровел. Я выгнула бровь, пристально наблюдая за тар-эном. Это оказалось последней каплей, и МакОрат выдал, игнорируя вытянувшиеся лица родственников:

– Да знаю я, что такое секс!

На моем лице мгновенно отразилась смесь живейшего интереса с восторгом.

– Ну?! – Я схватила его за руку и нетерпеливо дернула. – Что это, скажи, о страстный МакОрат!

У него от ярости ноздри раздуваться начали, все мышцы напряглись, а руки сжались в кулаки, после чего взбешенный воин прошипел:

– Это – все те эпитеты, что вы мне выдали на корабле!

Нестабильный атом, как же все просто и легко. Даже жалко его стало, но не до такой степени, чтобы прекратить.

Изобразив неподдельное удивление и нежно поглаживая его сжатый кулак, я полюбопытствовала:

– Это какие?

Все, довела! МакОрат плавно, но очень угрожающе шагнул ко мне, явно собираясь

наплевать на все и вся и придушить дочь хассара. Но у кадета Космического университета не было никакого желания умирать раньше времени, и потому я мило улыбнулась озверевшему тар-эну и, наплевав на его ярость, поинтересовалась у воина справа:

– А казнь сегодня здесь будет?

Мужик, очень на этого невменяемого МакОрата похожий, молча кивнул, потрясенно на меня глядя. В общем, есть контакт.

– Ну, значит, я по адресу. А проводите меня, пожалуйста, – вежливо попросила я и добавила: – Пока ваш родственник тут вспоминает, что такое интим и связанные с ним удовольствия.

И у МакОрата сорвало крышу. Грозный рев спровоцировал мой ускоренный забег за спину ближайшего из тар-энов, и тому пришлось выдержать весь натиск утратившего контроль парняги.

– Ты! – взревел воин. Но дальше он начал повторяться: – Ты... ты... ты...

Я выглянула из-за мускулистой спины моего буфера, послала озверевшему тар-эну воздушный поцелуй и напомнила о своей просьбе:

– Мне бы внутрь. Очень хочется на казнь посмотреть, люблю, знаете ли, насилие.

И самое невероятное – меня действительно провели внутрь! Третий воин и провел, ну, потому что МакОрат, доведенный до белого каления, действительно раскалился, а второй его удерживал, собственно, сохраняя жизнь дочери хассара.

И вот ворота открылись, я шагнула внутрь и замерла – конусообразные стены уходили ввысь, и сейчас, когда солнце было в зените, луч света падал прямо на внутренний дворик, образуя столп света. И в этом световом явлении на сложной конструкции подвесок из блестящего металла, позванивая, кружились капельки ограненных кристаллов, освещая бликами все пространство, украшая стены, расцветивая цветами радуги даже самые темные уголки поместья.

– Уау, – прошептала я, – красиво. Очень...

Где-то позади перестал шипеть и повторять взбешенное «ты» МакОрат, замер стоящий рядом со мной воин, потрясенно умолкли четверо находящихся неподалеку. А я продолжала восторженно смотреть на сказочное явление.

Краем глаза заметила, что из дома ко мне стремительным шагом направляется какой-то совсем уж громадный тар-эн, но на воина смотреть не хотелось, а от искрящегося в свете солнца кристального чуда отвести взгляд было сложно.

– Принцесса Киран! – прорычал подошедший мужик.

– Здравсте, – отмахнулась я, продолжая во все глаза смотреть на... да на чудо.

Минута молчания, после чего воин уже значительно более грозно прорычал:

– Принцесса Киран!

Его рык разлетелся эхом, сотрясая воздух, и на этот звуковой эффект система кристалликов ответила удивительно красивым мелодичным перезвоном, и блики задвигались в разы быстрее.

– Уау, – выдохнула я, – а громче можете?

Подлый дядька умолк самым коварным образом. Смачно сплюнул на песок, затем, не скрывая злости, спросил, причем не у меня:

– Что здесь делает дочь хассара?!

Короче, меня признали временно невменяемой.

Воин, который меня привел, сразу сдал:

– Она к Таргу пришла. Вела себя неподобающим образом.

– Не совсем к Таргу, – вставил второй воин, которому уже не нужно было удерживать утратившего контроль МакОрата, – она пришла на казнь посмотреть. Мотивировала любовью к насилию.

Тар-эн вновь воззрился на меня. Очень недобро. Я искоса глянула на него, пожала плечами и честно призналась:

– А еще камушки люблю, драгоценные.

У воина сузились глаза.

– И оружие. – Что-то я разоткровенничалась. – И кораблики тоже люблю. А еще...

– Достаточно! – прорычал грозный тар-эн, который тут, похоже, был главный.

Значит, именно он и есть дедуля МакОрат. То есть жертва.

– Насилие тоже люблю, – проникновенно сообщила воину. – Так где у вас, говорите, казнь?

Дедуля МакОрат не ответил, даже не дернулся, но двое за его спиной непроизвольно глянули вправо.

– О, спасибочки, – нагло поблагодарила я. – Икастик, за мной.

И мы потопали в обход какого-то одноэтажного здания, мимо застывающих при нашем появлении воинов, которые тут же бросали встревоженные взгляды куда-то поверх меня. Оглянулась – дедуля МакОрат, грозный и мрачный, как грозовая туча, шел за мной.

И всего шагов через сорок мы вышли на задний двор, где уже собралась толпа народа и располагались два столба: у одного на вытянутых руках чуть ли не висела полненькая девушка, обнаженная по пояс, у другого был привязан мужик с такой наглой бандитской рожей, что сразу стало ясно – Штоф. И вот не знаю, чем он там угрожал Накару, но выражение лица у мужика было спокойное, то есть он был абсолютно уверен, что его вытащат, и даже не сомневался в этом ни мгновения. А вот моему появлению удивился. Да что он – тут все удивились!

– Всем здрасте! – радостно поприветствовала я присутствующих, остановившись на входе во двор.

Присутствующие, в основном жутко похожие друг на друга воины, ну и пара женщин бегемотистого вида, продолжали потрясенно на меня смотреть.

– Здравствуйте, говорю, – вновь поздоровалась я. – Как жизнь молодая?

Тишина.

– Все так паршиво? – не поверила я.

Тишина стала напряженная, все потрясенно глядели на МакОрата за моей спиной.

– Настолько плохо?! – Нет, я положительно отказывалась верить в очевидное. – Таки достал вас тиран мускулистый?

Все снова посмотрели на меня. И вдруг в этой тишине раздается глухой взбешенный рык. Торжественно оборачиваюсь и с самой милой улыбочкой интересуюсь у МакОрата:

– Свирепствуем? – Его перекосило. – Лютуем, значит, – продолжаю укоризненно, – родственников обижаем, детям свободы не даем, дочери хассара стекляшку зажали!

Резко выдохнув, дедок переспросил:

– Что?

Ну и я сама от себя не ожидала, правда, но так захотелось:

– Можно мне кристаллик? – попросила самым жалобным тоном. – Вон тот, который сверху у вас... Только один, а?

– Что?! – взревел тар-эн.

– Фу, жадина какой, – обиделась я.

На мгновение стало тихо, затем дедок мрачно произнес:

– Сети!

Быстро он как-то в себя пришел. Слишком быстро. Но и я решила не сдаваться и заняла на всю их родовую конструкцию:

– Хочу кристаллик! Кристаллик хочу-у-у-у-у! Хочу камуше-е-е-ек!

Вредный МакОрат сухо приказал своим:

– Взять.

– Кристаллик? – живо поинтересовалась я.

Но тар-эн не купился и спокойно ответил:

– Зверя.

Нормально, да?

Нервно интересуюсь у некоторых:

– А вы в курсе, что собираетесь напасть на старшую дочь хассара Айгора, обещанную невесту великого Нрого и вообще просто умницу и красавицу! – У него бровь изогнулась от удивления, а я добила: – Вам должно быть стыдно! И вообще, вы жмот!

Дедуля выше двух метров роста, с широченными плечами, гривой темных волос до плеч и полнейшим отсутствием признаков приближающейся старости сжал зубы так, что скрежет не то что я, окружающие расслышали, а затем, чуть совладав с эмоциями, все же ответил:

– Да, я в курсе, что передо мной сбежавшая из дома дочь Агарна хассара Айгора и невеста Дьяра МакВаррас, которую он безуспешно разыскивает. А теперь скажи мне, женщина, для чего ты явилась в мой дом?!

Пожав плечами, пробормотала:

– Люблю казни. Знаете, приятно на месте подвешенных к столбу папика представлять. Искренне считаю, что ему не помешало бы вправить мозги за попытку склонить меня к кровосмешению. Вы со мной согласны?

Я ожидала развития полемики, но вместо этого раздался рык:

– Твое дело рожать, женщина! А от кого будут дети, забота хассара Айгора!

Нормально. То есть на диалог рассчитывать нечего, и да – камешка тоже не дадут. Жмоты! И тут в ухо щелкнуло и раздался голос Накара: «Кира, кончай болтологию, мы в зоне слышимости, нам шумовой эффект нужен».

Я шмыгнула носом, вспомнила, что Иристан тупой и обычаи тут тупые, а про тар-энов и говорить нечего, и решила на всяких больных воинов не обижаться. Тем более учитывая, что глубоко обидеться в ближайшее время придется им. И снова лучезарно улыбнувшись, я внесла экстраординарное предложение.

– А давайте, – говорю, – потанцуем!

– Что? – не понял МакОрат.

– Потанцуем, говорю! – повторила я. – Будем танцевать ваш клановый танец!

– Это какой? – У кого-то явно сносило крышу, потому как дедуля уже едва сдерживался и ноздри его раздувались от гнева.

Но это были его личные проблемы, а я решила на вопрос ответить со всей вежливостью.

– Танец жадности! – громко объявила я. – Потому что вы – жмот и клан у вас жмотинский!

Могучий воин, озверев окончательно, сделал шаг в мою сторону. Кадет Киран

МакВаррас с самой очаровательной улыбочкой надела наушники и врубила музон!

Сто двенадцать децибел ударили по ушам, нервам и стенам родового замка МакОратов!

И какая это была музыка – дикий неистовый коктейль из пяти разных мелодий звучал с таким диссонансом, что даже меня шатало при каждом новом вступлении басов. Воинов тоже зашатало, стены дрожали, позади меня слышался отчаянный женский визг, и только дед стоял столпом ненависти, даже не вздрагивая, словно музыка, бьющая по ушам, не доставляла ему вообще никакого дискомфорта. Силен зараза, мне даже жутко стало. Но это не помешало скинуть с плеча рюкзак, перехватывая поудобнее, а затем пуститься в пляс, изображая дикий танец подрывника-минера. Зажечь, разместить, отпрыгнуть, зажечь, разместить, отпрыгнуть, зажечь... И замереть, увидев, как дедок МакОратов вытащил из-за пояса какое-то переговорное устройство, и я скорее прочитала по губам, чем услышала громовое: «Урезонь свою дочь!»

С перепуга я активировала фейерверки раньше, чем следовало, и в следующую секунду к дикой какофонии звуков добавились также взрывы и вспышки. А затем дедок рванул ко мне! Икас, решивший, что это игра, побежал следом. И почти сразу взвыла сирена, перекрывая орущую музыку, вот только план сработал, и взбешенный МакОрат даже не обратил внимания на сигнал системы безопасности.

Сработать-то сработало, но от МакОрата я с перепугу рванула с диким воплем «помогите», потонувшим в начавшейся огненной феерии. «Звездный гром» сработал на славу! В какофонии музыки, сирены, клубов дыма взрывались огненные шары, сотрясался купол и слышались четкие приказы слишком быстро сориентировавшихся воинов.

А дальше началось сумасшествие: я с дикими воплями под ужасающе громкую музыку носилась по двору, Икас, довольный и потягивающий, прыгал вокруг, а за нами носились дедок и шестеро МакОратов со стальной сетью! Дедок – за мной, воины – за Икасом. И у них были все преимущества! Я это сразу поняла, как только дедок подлой подсечкой повалил меня на песок, через секунду ловко связал мои руки за спиной, а затем отключил мой сейр, вернув окружающим возможность слышать нормально. И в наступившей тишине я, изогнувшись, посмотрела на своего любимого зверя и чуть не взвыла, увидев, что его, виляющего хвостом, накрыли сетью. И вот это было действительно ужасно!

Резко подняв меня с песка, МакОрат повернул к солнцу, захватил мой подбородок и взгляделся в лицо.

– Красивая, – почему-то печально произнес он, – но безголовая. Дьяру не повезло с женщиной, от безголовой умных сыновей не будет.

Тяжело дыша после всех кульбитов во время побегательной операции, я дернула головой в попытке избавиться от захвата, но замерла, едва услышала:

– Твой отец просил выполнить его обязанность. – Испуганно смотрю на МакОрата, а тар-эн, жестко усмехнувшись, добавил: – Это научит тебя покорности.

И мир взорвался болью!

Как я повалилась на колени после неуловимого удара воина, я практически не помнила. Ощущение такое, что я тогда вообще сознание на миг потеряла, а вот пришла в себя от рычания Икаса и повторного оглушительного воя сирены. Открыв глаза, поняла, что лежу на песке, и попыталась подняться, обнимая одной рукой живот и используя вторую для опоры. Подняться я старалась неосознанно и не сразу поняла, что Икас, разгневанно рычащий, занял позицию рядом, защищая. В трех шагах от нас, зажимая рану на шее, стоял дед МакОратов, чуть поодаль валялись все те шестеро, что удерживали Икаса в сети.

Жутко саднила правая рука. Поднявшись и с трудом удерживаясь на ногах, глянула на исполованное клыками запястье... Потом дошло – Икас разорвал веревку, и это следы его клыков. Мой самый лучший на свете зверь.

И тут вновь Накар:

– Кира, ты меня слышишь? Кира?

– Слышу, – хрипло ответила я, огляделась и скомандовала: – Готовность сорок секунд.

Двигалась я с трудом, но быстро. Кривясь от боли, подбежала к прибалдевшему Штофу, приказала Икасу подойти, а затем, не удержавшись, посмотрела на раненого, но несломленного дедулю и прошипела:

– Все еще считаешь меня безголовой?

МакОрат напрягся, в серых маловыразительных глазах промелькнуло нечто вроде уважения, а затем воин прохрипел:

– Да... ты гораздо больше похожа на Агарна, чем он думает...

Сомнительный комплимент.

Прогремел взрыв!

Взрыв обрушил половину двора, причем именно те места, где были я, Икасик, Штоф и перепуганная, оглушительно завизжавшая девушка.

А дальше дело техники. Я-то свою отвлекательную задачу выполнила, в остальном спецы Накара сработали на ура. Нас перехватили в момент падения, отволокли в подземный ход, и прогремел второй взрыв, блокирующий доступ к нашему пути отступления. Интересно, что бы мне поставили за разработку этого плана? Просто интересно.

Потом был бег по обрушивающемуся подземному ходу, потом стремительный спуск в подземную пещеру, затем опять бег, минут через сорок Накар сказал:

– Все. Оторвались.

И мы повалились на землю: кто-то пытался отдышаться, это они, кто-то плакал, это девушка, кто-то матерился (Штоф), а кто-то радостно прыгал, махал хвостом и явно желал продолжения веселой игры во взрывалки-убегалки. Икасу вообще все понравилось.

– Икас, – простонала я, обнимая руками все еще ноющий живот, – ты чудо!

Накар, узревший мою страдальческую гримасу, быстро подошел, рванул майку, задрал ткань и выругался, помянув какой-то глюк. Я тоже посмотрела на живот и выругалась, узрев внушительное красное пятно, которое явно собиралось стать чернеющим синяком.

– Ублюдок, – прошипел Накар. – Они же не бьют женщин!

– Выходит, ты мало о них знаешь. – Я пожала плечами, и от этого стало больнее.

И так плакать вдруг захотелось.

– Гелликс у меня есть, – обрадовали меня, – идти сможешь?

– Конечно, – сказала я, встала и пошла.

Оно всегда так: кажется, что не сможешь, что от боли сейчас ляжешь и умрешь на месте, но стоит встать и пойти, и силы откуда-то берутся. Не знаю, почему так, но тут главное – не сдаваться, не лежать и не жалеть себя, и все получится.

И я прошла шагов десять, потом сообразила, что не озаботилась маршрутом следования, но едва обернулась, про вопрос забыла. Потому что Накар бил морду едва спасенному Штофу, причем бил серьезно, ломающими зубы ударами. И я ринулась было к ним, чтобы вмешаться, но была остановлена рыком взбешенного Накара:

– Семья! Неприкосновенна! Урод! Ты знал кодекс и нарушил! Мразь!

О кодексе мы знали, нам о нем еще Точеный рассказал. По кодексу банды Исинхая,

семьи «своих» были неприкосновенны при любом раскладе. Членам семьи не мстили, не угрожали, ими не шантажировали. Вероятно, Штоф нарушил кодекс, и теперь понятны слова Накара: «Мы не связываемся с воинами никогда, вообще. Но Штоф знал, как вынудить меня пойти фактически на самоубийство». И потому я вмешиваться не стала: Штоф действительно поступил подло. Впрочем, Накар вскоре и сам успокоился и, поднявшись, брезгливо стряхнул кровь с кулака. Потом приказал оттащить Штофа с расквашенной рожей в какой-то «Лардас» и девушку приказал не трогать, а после подошел ко мне, обнял за плечи и повел прочь, заметно прихрамывая. А Икастик радостно носился вокруг нас, счастливый такой.

– Замечательный зверь, – похвалил его Накар. – А ты, Кир, ты... молодца, девчонка. Реально круто ты их.

Я улыбнулась: приятно было очень.

История вторая, с нелегальными гонками, лемаками и Дьяром

В гелликсе пришлось полежать: удар дедка МакОратов оказался излишне проблематичным, внутренние органы повредил, урод! Икас спал неподалеку, растянувшись на полу, Накар настроил мне аппаратуру и ушел, предварительно сообщив, что мой ужин в холодильной камере, ужин Икаса там же, но полкой ниже.

И вот я, подремав часика два, в итоге встала, погладила уже полностью здоровый живот и потопала ужинать. А на кухне нас ждал сюрприз, а точнее, Джем в банном халатике.

– Ты как? – весело спросила она, заплетая мокрые волосы. – Оклемалась?

– Ага. – Я первым делом для Икаса мясо достала и только потом вернулась к разговору: – Накар сильно удивился, что меня ударили, вроде как воины женщин не бьют.

Джем отбросила недоплетенную косу за спину, начала помешивать кофе, задумчиво глядя в чашку, потом скосила на меня взгляд из-под огромных ресниц и спросила:

– В живот бил?

Я кивнула и пузико погладила. Нет, уже ничего не болело, но животик было жалко, очень. Джем как-то печально усмехнулась и, неожиданно всхлипнув, снова спросила:

– А он... мог предполагать, что ты ждешь ребенка, которого не захочет видеть твой клан?

Я задумалась. По идее, мой клан убежден, что я спала с Нрого. Но могли ли они подумать, что я забеременела?

– Воины умеют бить так, что один удар гарантированно убивает младенчика в животе, – не дожидаясь моего ответа, сказала Джем.

Невольно я опять живот погладила. Джем усмехнулась и объяснила:

– Далеко не каждый сын воина становится воином, Кира. Обычно только один из трех-пяти. Насколько мне известно, хассар Айгора единственный, чьи сыновья – тар-эны. Все. Он тренирует их сам, фактически с рождения, готовил их к посвящению тоже сам. Но это исключение. А так... на Иристане очень любят и ценят детей, говорят: богатство мужа – дети его, и потому к детям особое отношение всегда.

– Не поняла. – Я достала из холодильной камеры шесть свертков.

Сообразив, что это еда из ресторана, начала осторожно разворачивать, ища то, что придется по вкусу.

– Что именно ты не поняла? – переспросила Джем.

– Какая связь между ударом меня в живот – больно было, кстати, – и тем, что у моего папандра все сыновья воины? Какая вообще разница, воин или не воин, не всем вояками быть. – Я развернула запеченную в кляре рыбку и поняла, что это я буду кушать. – Из мужиков получаются повара классные, водители, гонщики, ученые... да мало ли! Не обязательно всем быть воинами.

Джем хмыкнула и, глядя на меня, протянула:

– Кира-а-а, плохо же ты мужчин знаешь, девочка.

Выгрузив рыбку на тарелку, я захватила кофе, уселась за стол и великодушно согласилась:

– Рассказывай.

Джем вновь улыбнулась и с легкой грустью сказала:

– А чего рассказывать? Тебе все это ни к чему, Кира. Накар дал добро, через часик за тобой Джокер зайдет.

Я радостно кивнула и ускорила с поеданием ужина. А Джем решила все же разговор продолжить:

– Понимаешь, воины, они... как альфа-самцы. Сильные, уверенные, умные, сдержанные, – протянула она. – Они такие... Наверное, правильно будет все же употребить эпитет – «уверенные». Они лидеры, хозяева, мир принадлежит им. Они ходят прямо, ноги ставят широко, и в каждом жесте эта самая уверенность в себе, в своих силах, в своих возможностях.

Перед моим мысленным взором пронеслось видение некоторых мускулистых, самоуверенных, синеглазых... Атом нестабильный, старалась же не вспоминать о нем с утра, и получалось даже! Нервно сглотнула, постаралась отвлечься.

– И у них право левого трицепса, – добавила я к восторженным высказываниям Джем.

– У них право сильнейшего, – поправила она.

Я хмыкнула и взялась за чашку, не преминув спросить:

– Так в чем связь, а?

Джем потянулась к своей сумочке, достала сигареты, щелкнула зажигалкой и, затаившись, попыталась объяснить:

– Одно дело парни, которые и не готовились стать воинами, и совсем другое те, кто с рождения к этому шел и... ничего. На них смотреть страшно, Кира. Такие приходят в квартал развлечений для того, чтобы забыться. Забыть о своей никчемности, забыть о своей ненужности, да обо всем забыть. И конечно, отцам больно и неприятно смотреть на сыновей, которые так никем и не стали, точнее, не стали тар-энами. Особенно если отцы сами воины и понимают, чего сыновья лишились. Смотри: дитя иристанки и воина – сорок процентов, что ребенок станет воином. Дитя дочери воина и воина – семьдесят процентов. Дитя воина и неиристанки – ноль целых две десятых процента. А теперь догадайся, что сделает воин, если от него забеременела тьяме?

Мне почему-то опять вспомнился тот самый синеглазый воин. И его взгляд, и его уверенность, что я буду с ним, и... прикосновения... И это его «забудь о своих планах»...

– А что он сделает? – спросила я, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

– Удар в живот, Кира! – резко, с какой-то яростью ответила Джем.

Чашка едва не выпала из моих рук. На Джем я смотрела с каким-то священным ужасом в глазах, просто не желая верить... Тупая планета!

Джем рассмеялась, но как-то совсем невесело, и продолжила:

– Обычно приезжие предпринимают меры для того, чтобы беременности не случались. Меры разные, чаще всего идет стерилизация, но случается всякое. Воины – они какие-то особенные, и семя у них не только живучее, оно и женщину меняет. На моих глазах тридцатилетние, что начинали спать с тар-энами, стремительно молодели. Месяц-другой – и им уже не дашь больше двадцати.

– Но дети, – простионала я.

– Это тар-эны. – Голос Джем стал резким и неприятным. – Для них сын, что не стал воином, все равно что инвалид. Такой судьбы для своей крови они не желают. Так что... удар в живот при необходимости, и все.

Сию, грустно смотрю на темный кофе... в нем почему-то вижу синие глаза, а мои

собственные застилают слезы. Он ведь считал, что я тьяме... пока Икаса не увидел. И возник вопрос:

– Джем, а воины забирают тьяме в свой дом?

Она рассмеялась, а потом все так же со смехом:

– Кира, ты такая юная и наивная. Ответь, ну зачем воинам держать тьяме в собственном доме? Для них могут купить квартиру в квартале развлечений, и не более того. Ни один воин тьяме домой не повезет, ведь тогда женщина автоматически вступает под защиту иристанских законов. И с такой женщиной воин обязан быть нежным, вежливым и, да, подчиняться закону. А тьяме заводят как раз для того, чтобы позволить себе значительно больше, чем позволяют традиции.

Вспоминаю наш разговор с тем синеглазым. Мое «к себе везешь?» и его краткое «да». Странно... С другой стороны, «к себе» – понятие растяжимое.

– А чего там традиции не позволяют? – осторожно интересуюсь, старательно глядя только на кофе.

– Скажем так, иристанские традиции и законы охраняют хрупких женщин от излишне сильных мужчин. Тар-эны особенные, Кир, они желают большего, и они способны на большее, а спать с женщиной, обращаясь с ней как с хрупкой вазой, – сомнительное удовольствие, даже не обнять толком.

Вспоминаю бегемотистых особей в папандровом дворце. Да, начинаю понимать, почему габаритные создания у них в почете.

– Интересно, а тьяме полненькие? – действительно интересно было.

– Стараемся набирать крупных, но в процессе работы вес девочки теряют стремительно.

Я удивленно поглядела на нее. Джем странно улыбнулась, устало покачала головой и пояснила:

– С тьяме воины не сдерживаются, не считают нужным. И одна ночь с тар-эном фактически то же самое, что роту через себя пропустить. Так что худеют мгновенно, и фактически, если бы не особые свойства воинов, о которых я уже говорила, смертность в квартале развлечений была бы запредельной.

Улыбка у женщины стала совсем грустной. Не знаю, что она мне недорассказала, но и знать не хочется.

– Ладно, – тряхнула головой, прогоняя неприятные мысли, – давай тему закроем.

Джем кивнула, растрепала челку и, сдув ее со лба, спросила:

– Что на гонки наденешь?

Да, вот эта классная тема для разговора, а еще я сама не знала, как об этом спросить, потому как попорченный алый костюмчик, собственно, принадлежал именно Джем и я за него даже извиниться не успела. А еще у нее был потрясный гардеробчик! Реально потрясный, и вещички в духе «все, что вы когда-либо хотели надеть, но очень стеснялись».

– Хочешь платье? – предложила Джем.

– Хочу шортики, – мечтательно протянула я, вспоминая, чего я там у нее в шкафу видела, – желательно до умопомрачения короткие, и рубашку, так, чтобы подвязать, и сапоги на каблуках, и волосы соберу в высокий хвост и...

– И кто тогда будет смотреть на гонки? – возмутился Джокер, входящий на кухню. – Ты мне там еще стриптиз устрой!

Мы взглянули на Джокера, с подозрением глядевшего на нас от двери, а потом я выдала:

– Да легко, мы с Микой на занятия по стрип-пластике ходили.

Мужик прошел, налил и себе кофе, сел напротив меня, задумчиво поскреб лысую макушку и резюмировал:

– Ладно. Все равно воины в подземелье не спускаются, тем более ночью, а остальных ретивых мои парни быстро успокоят. Зажжем!

И как же мне в этот момент Мики не хватало.

* * *

Подземный город... Город под сводами огромной пещеры. Город, как змеями, пересекаемый двумя реками. Город древний, полуразрушенный, с плоскими крышами. Город в сиянии разноцветных огней... Короче, вечеринка в варварско-городском стиле.

Мы с Джокером прибыли часа за три до начала действия. И пока техники налаживали аппаратуру, я в кроссах бегала по городу. Страшно не было, хотя Икастик спал, устроившись возле техников. Он вообще сонный был с тех пор, как вернулись с вылазки в родовое гнездо МакОратов. Я даже занервничала, но Накар успокоил, сказав, что ночью съездим к ветеринару на всякий пожарный, а вообще, зверь скорее всего переволновался, когда я упала и в себя не приходила... Как оказалось, удар дедка МакОрата вырубил меня на полторы минуты.

Так что, оставив Икаса спать, я моталась по площадке предстоящего действия. И пока техники ставили освещение, облазила все, что можно, осматривая пыльные здания, в которых кучами валялся мусор, а потом я обнаружила это.

– Джокер!

На мой вопль пещера ответила раскатистым «эrrrr», а сам Джокер ленивым:

– Чего тебе, Кир?

– Джокер, – я высунулась из окна, – у вас что, есть почетная ложа?

– В смысле? – не понял он.

– Иди сюда!

– Кир, я не горный козел, чтобы к тебе прыгать, это ты у нас молодая и шустрая. Пожалей старого человека и сразу скажи, чего там? Если труп, не трогай, сами уберем.

– Очень смешно! – Я присела на подоконник и повторно осмотрела помещение.

Вот ничто так не настораживает, как совершенно чистая галерея древнего грязного дворца! Нет, тут было не идеально, но все же чисто. И полукругом расставленные у окон кресла были достаточно чисты. Несомненно, здесь сидели и наблюдали за гонками, но... Но, кажись, не просто зрители, потому как в остальных местах валялись остатки еды, мусор, ну, и пыль вековая сворачивалась струпьями на полу, а это...

Гулкий звук шагов – и ко мне спрыгнул один из охранников по прозвищу Шум – Джокер сам не пошел, но и без внимания не оставил.

– Чего тебе? – грозно спросил мужик под метр девяносто и телосложения типа «шкаф обыкновенный».

Я указала на окружающее пространство и поинтересовалась:

– Ничего не удивляет?

Шум почесал затылок и выдал:

– Нет.

Возмущенно на него посмотрела и с намеком протянула:

– Так, значит, воины сюда не ходят, да? А что-то мне подсказывает обратное.

Шум тяжело вздохнул и устало ответил:

– Кир, да без разницы, кто сюда ходит, мы не за вход бабло срубаем, а по ставкам.

Расслабься, детка.

На чужой корабль со своим уставом не лезь – истина на века. Я и не стала, поднялась на крышу, пробежалась до развалин городского центра, спрыгнула на нашу площадку, погладила сладко посапывающего Икасики, последила за работой техников и...

– Джокер, а если мы будем свет последовательно включать, освещая только ящеров, оно тогда эффективнее получится.

Да, влезла. Но мужики переглянулись, посоветовались, и Джокер спросил:

– Еще идеи есть?

Нет, положительно жизнь потрясающая штука!

* * *

– И мы приветствуем отважного Харго на верном лемаке по кличке Смертоносный! – возвестила я, поставив одну ногу на край парапета.

Мой голос, усиленный звуковой установкой, разнесся над всем подземным городом, отразился от стен и вернулся неясным эхом, растворившимся в гуле восторженных голосов.

На сейре, в который я подглядывала, высветилась надпись от Джокера: «Мужик – фермер, лемака растил сам, неудачники оба».

– Угу. – Это я едва слышно ему, и уже громко всем: – Настоящая дружба человека и зверя! Отважный Харго сам вырастил брошенного матерью лемакеньша. И сегодня Смертоносный будет сражаться за своего смелого и великодушного хозяина, за семью, за честь!

«М-да-м, Кира, мужик только что узнал о себе много нового, – сообщил Джокер. – Ты поменьше с воодушевлением, еще пара слов – и этот Харго решит, что он уже победил».

Я подавила улыбку, ибо как-то неприлично было бы хохотать под прицелом трех камер, которые транслировали мое изображение прямо на стены пещеры справа, слева и сверху, ну, это чтоб всем видно было. А народу собралось за десять тысяч, не меньше. И Джокер сказал, что это сегодня еще слабо, так как из-за лютующего правящего клана многие не смогли приехать. Кстати, еще Джокер сообщил, что факт моего исчезновения из дома папочки не афишируется вовсе. То есть меня ищут, но тайно. Ну, а еще Джокер заверил, что тут меня искать точно не будут. Надеюсь, иначе папандра удар хватит – шортики моего размера мы так и не нашли, зато нашли безумно короткое золотое платье, обтягивающее, как чулок, от груди и до... в общем, там все едва-едва прикрывалось. И сапожки – сказка, до середины бедра, и каблук запредельный, и перчатки тоже черные выше локтя. Волосы я собрала в высокий хвост, как рассчитывала. Макияж простой и в то же время вызывающий – позаимствовала у Джем черные накладные реснички и губы подвела алым. Короче, до неприличия роскошный образ вышел. Джокер всю дорогу глаз не сводил, а Накар в момент прощания трижды повторил, что трогать меня нельзя. Жаль, с нами он поехать не смог, решал какой-то вопрос с шефом и проштрафившимся Штофом.

«Мясник Дайо и лемак Вектор, – сообщил по сейру имена следующей пары гонщиков Джокер».

– И мы приветствуем новых участников! – возвестила я.

Толпа взревела, на круглой площади перед полуразвалившимся дворцом появились очередные участники: черный двуногий ящер с недоразвитыми передними лапами и сидящий на нем здоровый мужик в желтом комбинезончике. Цыплячий цвет одеяния, как объяснил Джокер, был банальной защитой – у лемаков молодняк желтый, его не трогают ни в коем случае, то есть, если наездник свалится, его никто не сожрет.

Толстяк остановил своего ящера и помахал толпе. Ему вяло ответили, но больше было советов сваливать домой к мамочке. Ладно, сейчас бум исправлять.

– Перед вами самая смертоносная команда наших гонок! Приветствуйте! Дайо – тот, кто способен вырезать ваше сердце за несколько секунд! – Толпа притихла, уже иначе глядя на мужика. – Он тот, кто расчленит вас недрогнувшей рукой опытного убийцы! – Толпа вообще смолкла. – Но сегодня Мясник Дайо и его верный лемак Вектор проложат свой путь к победе! Свежей крови вам, ребята!

Стены, крыши, окна полуразвалившихся зданий огласились радостными криками, вот теперь участников приветствовали как следует.

«Кира, ты просто клад, – засветились символы на сейре, – ты в курсе, что у нас стремительно растут ставки? Детка, где ты раньше была?»

Ответить возможности никак не представлялось, и я только загадочно улыбнулась, скромненько так.

* * *

Я едва успела объявить последних участников, как пришло сообщение: «Начинаем гонку. Прямо сейчас!»

В отличие от Джокера я торопиться не собиралась. Опустив сейр, взяла огненно-алый платок и ловко вскочила на парапет. Толпа ахнула, когда из-под каблуков вниз понеслись раскрошившиеся камушки, но я стояла спокойно – даже если свалюсь, точно знаю, что смогу ухватиться за оконный выступ на втором этаже. И потому, гордо выпрямившись, я подняла платок вверх, и над городом разнесся мой голос:

– Да начнутся гонки века! На позиции, внимание... СТАРТ!

И одновременно с последним словом резко опустила руку.

И задрожала земля! Она действительно задрожала, едва лавина из двадцати семи всадников рванула по улицам мертвого города. И это невероятное зрелище отражалось на всех трех экранах в динамике, в неудержимом порыве, в...

Чьи-то руки неожиданно легли на мою талию, а в следующее мгновение я была просто стянута с парапета и водружена обратно на плоскую крышу. И все бы ничего, но развернули меня от экранов лицом собственно к крыше. А там... а там лежал без сознания Джокер, и валялся тот несчастный десяток его телохранителей, и даже пяток техников, которые следили за трансляцией и за ставками. А над стонущими, скрюченными и просто бессознательными телами стояли мой папандр и дедок МакОратов. И оба на меня смотрели...

Вот вам и «воины в подземелья не заходят»!

Неосознанно как-то потянула платье вниз, пытаюсь сделать его чуть длиннее... Глазки папика сузились. Папандр вообще был дико злой! Уже догадываясь, что придется драпать, и

быстро, я заодно сняла микрофон, отключив предварительно, чтобы не отвлекать внимание народа от бегущих ящерок. Потом оглянулась на собственного снимателя. Узкие черные глаза и злой взгляд были уже знакомы.

– Дьяр, – неприязненно выдохнула я.

Воин презрительно хмыкнул и посмотрел на отца. Папик стоял, натянутый как струна, причем мышцы у него были заметно напряжены, смотрел исключительно на меня и сжимал кнут. Даже жутко стало, но тут удивил дедок МакОратов:

– Последнее, что я стал бы делать на твоём месте, – это бить девчонку.

Отец нервно оглянулся на него, и тогда воин пояснил:

– Она в гораздо большей степени продолжение тебя, Агарн, чем любой из твоих сыновей.

Я мгновенно скривилась, так как быть похожей на отца мне ни в коей мере не хотелось, и папандр мою реакцию заметил. Вскинул подбородок, не отрывая от меня взгляда, и на загорелом лице словно прошла судорога ненависти. А затем в его глазах я увидела что-то странное, словно из глубины их на меня другие глаза смотрели, и этот взгляд...

– Дьяр, – хриплый голос отца вынудил вздрогнуть, – она твоя!

У меня руки похолодели, а отец к сказанному добавил:

– Займись воспитанием своей женщины.

МакОрат неодобрительно покачал головой, но сказать ничего не решился. И оба главы кланов просто развернулись, дошли до края разрушенного дворца и прыгнули вниз.

Проводив их взглядом, я взглянула на табло и увидела, что гонки уже подходят к концу, а у нас ставки срываются.

– Джокер, – напряженно позвала я, – хватит изображать полутруп, у тебя ресницы дергаются!

Мужик не дрогнул, но зато дрогнули его губы, которые пробормотали:

– Кира, у тебя воин за спиной, и он достал кнут.

Ну да, ну да, жених тама. Я повернулась и посмотрела на Дьяра... все хорошо, но жутко папика напоминает, так и хочется по морде врезать. И вот этот самый клон папандра, глядя на меня, спокойно произнес:

– Твоя мать ничему тебя не научила, женщина.

Зря он так!

– Моя мать научила меня самостоятельности, братик, – язвительно произнесла я, – а ты без папочкиного слова и шаг сделать боишься!

Дьяр сжал кнут, который уже держал в правой руке, и демонстративно шагнул ко мне, сократив расстояние до неприличия.

– Ну конечно, – сокрушенно пробормотала я, упираясь носом чуть ниже его плеча, – на это папочка добро дал... – шмыгнула носом и крикнула: – Икас!

Дьяр жестко усмехнулся и взмахнул кнутом.

Через секунду, связанная по рукам и ногам всего одним ударом плети, которая почему-то оказалась значительно длиннее, чем можно было предположить с первого взгляда, я уже пожалела о своих словах. Но еще больше я жалела о том, что никакие другие сказать не могу – кляп мне затолкали чуть ли не в глотку, когда я заорала в момент обвивания плети вокруг моих рук и ног. И в результате под изумленными взглядами техников Джокера, которым притворяться надоело, меня, спеленутую по рукам и ногам, воин просто перекинул через плечо и, разогнавшись, перепрыгнул через парапет! И пока я, закрыв глаза, мычала от ужаса,

преспокойно приземлился.

А потом я увидела страшное – в полуразрушенном фонтане, где воды не было уже много тысяч лет, лежал Икас... без сознания...

Икас!

Меня как молнией поразило!

Я застыла, не отрывая взгляда от своего зверя, замерла, на мгновение перестав дышать... Сердце сжалось, и так больно стало... Кажется, он напал, видимо, сонный, а они... они...

И у меня началась истерика. Просто истерика. Я выдержала все, даже мучительную боль после посещения Шоданара, даже осознание того, каким мерзавцем является мой отец... я бы все выдержала, но Икас! За что с ним так?! За что?!

Дьяр поначалу мое состояние игнорировал, унося меня прочь от города, прочь от Икасики, но, осознав, что истерика идет только по нарастающей и успокаиваться я не собираюсь, снял с плеча, поставил на ноги, прислонив к стене. А затем, наклонившись так, чтобы я видела его лицо, прошипел:

– В отличие от отца я всегда учитываю детали, женщина. Ты сбежала со своим зверем, но ты не знала его предпочтения. Я узнал! И потому на рынке, где твой «друг» покупал еду, появилось мясо горной козы.

Я замычала и рванулась снова, Дьяр без труда удержал и продолжил:

– Снежная смерть к ядам очень чувствительна, – губы воина коснулись моей щеки, заскользили к уху, – но есть снотворные природного происхождения. Мясо, что твой зверь съел сегодня, принадлежало козе, которую зарезали спящей.

Меня просто колотить начало и от ярости, и от злости, и от безысходности всей ситуации. И даже злые слезы из глаз потекли, что было особенно неприятно под презрительным взглядом тар-эна.

– И да, – продолжил Дьяр, и его рука, скользя по плечу, сжала мою шею, – если бы не гонки, в которые ты ринулась, забыв о стыде, тебя схватили бы этой же ночью у ветеринара, Киран.

Истерика прекратилась мгновенно. Я смотрела на тар-эна и понимала страшное – я его убью. Просто убью! Никогда никого убить не хотела, а этого убью!

– Успокоилась? – насмешливо спросил Дьяр.

Слезы тоже прекратились. Молча смотрю на... как бы родственника, молча и с ненавистью. А воин тихо выдохнул:

– Без противоядия Икас издохнет к рассвету.

Закрыв глаза, я попыталась успокоиться. Я попыталась, я... Жесткий удар головой в лицо воин сумел отразить прежде, чем я нанесла урон его внешности, и исключительно потому, что продолжал держать меня за шею. Хлесткий удар по щеке Дьяр нанес легко, расслабленно даже, а затем сорвал плетть. Удар – и я снова связана, но на сей раз не в пример более туго.

И уже без разговоров перекинув меня через плечо, Дьяр устремился к выходу из подземного города.

* * *

Последние метров двести Дьяр шел спокойно и уверенно, словно и не торопился

никуда. Но мы все равно очень скоро вышли на поверхность под яркие звезды уже ночного неба.

А там нас, как оказалось, ждали.

– Ослабь плеть, – услышала я недовольный голос отца, – слишком туго стянул, ей больно.

Но, видимо, кое-кто слишком буквально воспринял мои слова про подчинение папочке, и Дьяр резко ответил:

– Это мне решать. Моя женщина.

Я замычала, делая попытки привлечь внимание к своему плачевному состоянию.

И папандр повторил попытку призвать сына к благоразумию:

– Не совершай моих ошибок, Дьяр. Есть женщины, которые прогибаются, а есть такие, как Кира.

Но брательник папика не слушал, и вскоре мы мчались на четвероногой зверюге куда-то непонятно куда. Меня метров через пятьсот таки сняли с плеча и усадили перед собой, но уже даже это не спасало: руки потеряли чувствительность, ноги так же, а еще у меня слезы не прекращались... никак совсем. И перед глазами – Икас! Мой Икас... шерстюсик...

* * *

«Ненавижу Дьяра. Ненавижу Дьяра. Ненавижу Дьяра». Мне казалось, что я мысленно повторяю это уже целую вечность, но проще было так, чем ощущать, как тело сводит судорогами боли. Впрочем, терпимо, на Иристане мне было и больнее... после того блондина, например... По щекам снова потекли слезы...

Не о том думаешь, Кира, совсем не о том. И я завела привычную пластинку: «Ненавижу Дьяра. Ненавижу Дьяра. Ненавижу Дьяра».

Тар-эн спешил. Не знаю, что его насторожило, но он гнал свою четвероногую животину, а потом свернул к ручью, и некоторое время мы мчались по руслу, что совсем животину четырехногую не радовало. И меня не радовало – ветки хлестали по лицу и рукам довольно сильно.

Проехав вниз по ручью, Дьяр резко свернул, и мы въехали в заросли колючих деревьев, мужественно продрались и через лесопосадку, а после снова на скорости помчались через степь. Потом была какая-то гора из светлого камня, и она белым мутным пятном выделялась в ночи. Мы въехали на эту гору, проследовав куда-то между деревьями, чьи ветви плотно переплетались. И в итоге прибыли на небольшую поляну с маленьким округлым озерцом и каким-то не внушающим доверия навесом, притулившимся у отвесной стены собственно этой горки.

Дьяр прыгнул с животины, рывком снял меня, затем тоже как-то рывком высвободил плеть. Тело не слушалось абсолютно, и я начала падать, так как онемевшие ноги стоять отказывались.

– Тихо-тихо. – Тар-эн со смешком перехватил меня и теперь удерживал в стоячем положении. – С ножками проблема, Кирюсик?

«Ненавижу Дьяра. Ненавижу Дьяра. Ненавижу Дьяра».

– Хочешь поговорить? – продолжал издеваться воин.

Поговорить не хотелось, хотелось избивать уroda до посинения, до кровоподтеков, до

сломаных ребер...

Рывок. Избавив от кляпа, Дьяр прислонил меня спиной к скале и, продолжая придерживать, медленно пальцами вытер мои губы с таким видом, словно оружие перед боем протирает, а затем задумчиво произнес:

– Ты помнишь наш поцелуй, Кира?

Нормально?

– Помню, – старательно улыбнулась кровному родственнику, – меня тогда еще едва не стошнило, если не забыл.

– Не забыл, – как-то угрожающе произнес Дьяр. – Меня это взбесило.

Выть хочется. Онемение начинает спадать, и ощущения далеки от приятных.

– Тебя, как я посмотрю, вообще все бесит.

Рывок. Нет, если, сжимая шею, Дьяр думал меня напугать, то это он зря – так хоть от немеющих конечностей отвлеклась.

– Послушай, Кира, – он наклонился надо мной, и теперь его лицо было совсем близко, – я бы советовал тебе, жена, вспомнить о том, что ты женщина.

Совсем нормально... Хотелось бы ответить, но горло, навигатор глюченный, сжал так, что способна я была только на хрипы.

– И как женщине, – продолжал воин, – я приказываю тебе заткнуться.

Я думала, на этом с доказательствами на тему «Я круче, я мужик» будет закончено, но, как выяснилось, это было не все.

– Это моя ночь, – продолжил Дьяр, – и этой ночью я буду делать с тобой все. Я поступлю с тобой, как с тьяме.

После такого я не смогла промолчать, я просто обязана была спросить:

– Потому что не дома? – Хрип получился на славу.

– Да, – не стал отрицать тар-эн. – В стенах своего дома я должен подчиняться традициям Иристана. Здесь – нет.

Все, что мне оставалось сказать об этом, прозвучало в хриплом:

– Так нравится твоя прическа. Здорово твою морду уродует.

Гортанный рык из самой диафрагмы, но бить Дьяр больше не стал. Отпустил шею, подхватил меня на руки и, отнеся к навесу, не особо бережно уложил на шкуры.

И вот когда я была размещена в положении на спине, Дьяр присел рядом на корточки и начал просто смотреть. Вышла одна из двух местных лун, и теперь я была очень хорошо видна, как, впрочем, и он. Так мы друг на друга и смотрели... с минуты.

– Не будем терять время, – вдруг произнес воин и рывком содрал с меня платье.

А под платьем красное кружевное белье, выданное мне Джем за хорошее поведение и на удачу. Дьяр так и застыл с обрывками несчастного золотого наряда в руках. Выдохнул, резво поднялся и начал раздеваться на ходу, а ход его был направлен к озеру. И вот туда он и нырнул, с разбега фактически.

Глядя на это дело, решила, что и мне самое время сваливать. Попыталась сесть. С четвертой попытки даже удалось, начала осторожно разминать затекшие ноги затекшими же руками. Ненавижу это мерзкое ощущение мурашек по потерявшему чувствительность телу. И встать сейчас совсем не получится, но я все равно продолжала разминать конечности.

– Куда-то торопишься?

Вскинув голову, увидела, что Дьяр уже вышел из воды и теперь неторопливо направляется ко мне... голый. Весь. Не могу сказать, что увидела что-то новое для себя, мы

же с Микой по интим-магазинам гуляли неоднократно, но у воина было на что посмотреть. Например, на кубик на прессе, четвертый в ряду слева, – он какой-то асимметричный был.

– Невероятно, – Дьяр подошел и теперь стоял в двух шагах от меня, – где смущение, Киран? Порозовевшие щеки, испуганный взгляд, трепет хоть какой-то?

– Ой, – задумчиво отозвалась я, разглядывая теперь шрам, пересекающий его грудь, – было б тут чего смущаться...

И почему-то мне на это ничего не ответили. И тихо так стало. Вскинув голову, удивленно смотрю на воина и вижу перекошенную от ярости рожу.

– Что? – решила я спросить. – Правда опять бесит?

Дьяр продолжал стоять молча, с ненавистью глядя на меня.

Затем последовал вопрос:

– Значит, голый мужчина для тебя не новость?

– Шутишь? Мы трупы еще в лагере препарировали, так что и голые не новость, и в разрезе, как поперечном, так и продольном, тоже не в новинку. Кстати, – я вновь уставилась на живот тар-эна, – вот твой пресс я бы с удовольствием изучила... в поперечном разрезе. Там у тебя асимметрия странная.

Промолчал.

Но медленно, не отрывая взгляда, снова присел на корточки... голый весь, что его совсем не смущало, протянув руки, расстегнул сначала один мой сапог, потом второй, затем оба аккуратно стянул. И его левая рука осторожно взяла мою ножку, а пальцы правой начали ее поглаживать, легко массируя пальцами.

– Ты б оделся, – уперевшись руками для сохранения сидячего положения, предложила я.

Дьяр не ответил, продолжая почти невесомо массировать мою ногу. Только массировать, легко пробегаясь пальцами по пяточке, так что вроде и чувствительно, но не так чтобы щекотно, чуть сжимая стопу и поглаживая икры, и все это так интригующе смотрелось.

– Мм, это прелюдия? – полюбопытствовала я. – А когда будет моя очередь массажем развлечься?

– Хм? – Он изогнул бровь. – Имеешь желание прикасаться к моему телу?

– Нет! – слишком поспешно, но совершенно искренне ответила я.

– Я так и подумал, – спокойно произнес воин, продолжая манипуляции с моей конечностью.

Конечность не возражала, а меня никто не спрашивал, и я решила оглядеться, пока некоторые тут мануальную терапию практикуют, заодно и путь к побегу продумаю. Да и вообще смотреть на голых мужиков нет никакого желания.

И я начала разглядывать гору, точнее, ту ее часть, что была в моем поле зрения, и деревья, и озеро, кажущееся с моего места кривой лужицей... а потом что-то случилось! Сначала я как-то не поняла что, а когда вторая волна тепла пробежалась по телу, замерев где-то в районе живота, мне как-то разом поплохело. Стремительно повернув голову, взглянула на Дьяра и успела уловить хитрую усмешку, которую он столь же стремительно спрятал в уголках губ.

– Что-то не так?

Он задал этот вопрос таким невинным тоном, что я сразу поняла – да все не так!

– Только массаж, Кира, я же ничего плохого не делаю, – на сей раз Дьяр не сумел сдержать улыбку, – или тебе не нравится?

Воин приподнял мою ногу и осторожно, едва ощутимо прикоснулся губами к пальцам –

волна тепла вновь прошла по всему телу...

– Не надо так делать! – испуганно вскрикнула я и попыталась отобрать конечность у этого ненормального.

Бесполезно. Руки, которые мгновение назад были нежными и едва прикасались, внезапно сжали так, словно я попала в стальные тиски! И нога при всем моем желании не сдвинулась ни на миллиметр.

– Я только массирую, Киран. – Он даже не пытался скрыть свою ложь. – И ничего больше. Что же ты испугалась?

Я поджала губы, чтобы не выговорить «Себя!». Да потому, что я действительно испугалась себя и того, что чувствую. Потому, что это не нормально! Потому, что я ненавижу конкретно этого индивида, и потому, что не могу чувствовать к нему такое! Не могу!

– Я тебя по-хорошему прошу – прекрати, – попросила я Дьяра.

Действительно попросила. А он улыбнулся, отпустил мою правую ногу и... принялся за левую! Я прикусила губу до крови, на этот раз пристально следя за каждым движением сильных пальцев загорелых рук... И отследила! Это не было просто массажем! Дьяр под видом простых поглаживаний, чуть надавливая, касался определенных точек. Точек, о которых знал! И от этих манипуляций все тело словно напряглось, стало чувствительнее... И желание, какое-то чисто физическое, сродни сильному голоду, сформировалось в нижней части живота и теперь неуклонно росло.

– Дьяр, – я предприняла еще одну попытку вырваться, пока не нанося ему никаких ударов, – я сказала – прекрати это!

Смешок, и очень спокойное:

– Киран, Киран, я еще даже не начал. – Он метнул на меня тяжелый, темный взгляд и добавил: – Но уже недолго осталось.

У меня дыхание перехватило и от очередной волны уже жара, пробежавшей по телу, и от его слов. Хотя кое-чего я так и не поняла:

– Дьяррррр, – от злости его имя практически прорычала, – а за каким бракованным навигатором тебе мое желание, а? Мне просто интересно!

Его руки скользнули по обеим моим ногам, нежно провели по всей длине и коснулись бедер... В тот же миг обе конечности перестали мне подчиняться! Сердце пропустило удар! Но вот его пальцы пробежались чуть выше – и снова жар, а я невольно выгнулась от дикого, словно пронзившего тело желания. И уже затуманенными глазами и с затуманенным сознанием смотрела на его хитрую победную улыбочку, как, впрочем, и на индикатор его желания... он зашкаливал.

– Киран, Киран, – тар-эн подался ко мне, и теперь наши лица были совсем рядом, – знаешь, что мне доставит истинное удовольствие?

Я могла бы предположить, но не хотелось подыгрывать уроду.

– Видеть, как ты страдаешь, – произнес воин.

Не дождешься! Но говорить ничего не стала. Ждала его слов. Ждать пришлось недолго. Дьяр усмехнулся, придвинулся еще ближе и выдохнул:

– Я заставлю тебя изнывать от желания, Киран.

Я вздрогнула даже не от слов – от уверенности, с которой это было произнесено. От абсолютной, спокойной уверенности. А еще от того, что Дьяр был рядом и это меня... волновало. В чисто физическом смысле. Ощущение кожи, дыхания, тепла его тела. Бред! Разумом я понимала отчетливо – манипуляции тар-эна каким-то образом вызвали прилив

крови к определенным органам. Допустим, такое возможно, допустим... Но неужели это может так влиять на меня?!

– Дьяр, – нервно сглотнула и попыталась отодвинуться, чувствуя себя безногой калеккой, – что ты творишь?

Воин хмыкнул, и голодный, жадный поцелуй заставил меня вздрогнуть... но отторжения не вызвал! Вообще! И вот это напугало еще сильнее. Тар-эн остановился, чуть отстранился от меня, окинул насмешливым взглядом и поинтересовался:

– Уже не тошнит?

«А чтоб тебя инверсией прокатило, мразь!» – подумала я, проклиная себя же за тяжелое дыхание и за то, что взгляд «поплыл».

Он вновь сел рядом, и теперь его пальцы скользнули выше, и прикосновения стали значительно откровеннее. Да совсем откровенными они стали. Как и воин!

– Понимаешь, Кира, – он мимоходом коснулся кружева на белье, – на Иристане женщины считают нормой испытывать удовольствие с тар-эном, не вдаваясь в моральные аспекты происходящего. Для женщин удовольствие априори норма. И твоя мать, изнывая от желаний под моим отцом, не считала это неправильным. А ты, – насмешливый взгляд, – не иристанка. И я для тебя брат, враг и, да, убийца твоего зверя. Ты ненавидишь меня, да, Кира?

Даже не стала подтверждать очевидное. Дьяр усмехнулся и, поглаживая, продолжил:

– Моя гордая, своевольная, самоуверенная пантера... А теперь ответь мне, Киран, что останется от гордой тебя после того, как ты будешь умолять меня взять тебя снова и снова. И сможешь ли ты смотреть в зеркало на себя, отчетливо вспоминая все стоны и слова страсти, которые произнесешь подо мной?

У меня внутри все похолодело. Тар-эн улыбнулся, вновь наклонился ко мне и прошептал:

– Я мог бы сломать тебя физически, но это не так интересно, а потому я сломаю тебя морально, Киран, и получу океан удовольствия, наблюдая за тем, как ты возненавидишь себя.

Звучало жутко. Особенно на фоне нарастающего ноющего желания. Очень жутко... Совсем.

Тар-эн, пристально наблюдающий за выражением моего лица, усмехнувшись, произнес:

– Лично мне нужно охладиться снова. Никуда не уходи, я быстро. И приступим к самому интересному.

Поднявшись, он снова отправился к озеру... Не могу сказать, что я пялилась на него, но взгляд отвести не смогла точно! Поплывший, рассредоточенный, рассеянный взгляд!

Но как только воин прыгнул в воду, на этот раз уже без разбегов, кадет Киран МакВаррас молча развернулась на живот и стремительно поползла прочь по-пластунски, благо опыта после военных учений было много! И ползать я умею быстро!

И вот ползу я, вся сосредоточенная, злая и в то же время ну очень возбужденная, шагов на двадцать отползла, и вдруг над головой голос:

– Какая ты сссверху сссссимпатичная.

Я сначала сама зашипела, а потом...

– Тени Нрого! – Мой шепот и удивленный взгляд на две тени, темными колеблющимися призраками зависшие надо мной. – А вы здесь откуда?

Хмыкнули, но не ответили. Опустились ниже, и их морды оказались напротив моего лица, после чего странные реалии Иристана продолжили беседу.

– Не чувствуешь ноги от пояса или ниже? – спросила правая тень.

– Повреждения есть? – вторила ей левая.

Задумалась, прислушалась к своим ощущениям и ответила:

– Я их чувствую, в смысле ноги, но пошевелить не могу. Повреждений никаких нет.

Правая тень взглянула на что-то над моей головой и прошипела:

– Уже идетсссс!

– Не успеемссссс, Нрого далекосссс.

Я бы взвыла, но не дали. Мокрые руки подхватили меня, подняли, перевернули, и Дьяр насмешливо произнес:

– Какая шустрая. Далеко собралась?

Но ответа не ждал, мне в его глазах, наверное, вообще полагалось быть бессловесной тварью, и воин унес меня обратно под навес. Снова не особо заботливо уложил на спину, лег рядом и начал медленно, с интересом разрывать пальцами мой кружевной лиф. И вот смотрю я на это дело, и не только ж я смотрю – тени тут как тут. Нависли над нашим интимом и с интересом разглядывают.

– Долго молчать будешшь? – поинтересовалась правая.

– А ничего, я не против, есть на что посссмотретьсссс, – ехидно вставила левая. И уже мне: – Отвлеки его, спроси про мать, например, – предложила она и добавила: – Он твою мать ненавидит.

– Тяни время, я приведу Акаши, – шепнула правая и растворилась в лунном свете.

Я повернула голову к хитро улыбающемуся Дьяру и решила за жизнь поговорить:

– Нравлюсь?

Мой вопрос вызвал лишь мимолетную гримаску отвращения, после чего тар-эн ответил:

– Пока нет. Ты сейчас похожа на встрепанного детеныша пантеры в подростковом возрасте. Забавная, на такую приятно смотреть, но желать сложно.

Выразительно смотрю на показатель его желания, который опять зашкаливает. Воин улыбнулся шире и пояснил:

– Сама ситуация крайне заводит. Я получил самую желанную женщину в хассарате. Это приятно. – И его рука рванула остатки лифа, полностью избавив меня от данного приспособления. – Ты красивая, – продолжил Дьяр, – слишком худая, но мы это исправим.

– Мой вес соответствует норме, – вставила я. – У нас проверки четыре раза в год, у меня все параметры в пределах...

– Видел твои снимки в форме, – вдруг перебил Дьяр, а его рука плавно двинулась вверх, – синяя с черным воротником и манжетами, забавная.

Да, у нас в квартире везде были мои снимки в форме, так что он точно насмотрелся. И вообще насмотрелся, а теперь медленно склонялся ко мне, снова начиная свой эротический массаж.

Бросаю беспомощный взгляд на тень, левый выдает одно слово: «Мама!»

В этот момент кое-кто приступил к очень-очень нескромным прикосновениям, и дыхание перехватило, потом с огромным удивлением я услышала протяжный стон... причем свой собственный!

– Дьяр, – вскрикнула я, чувствуя, что теряю нить повествования, – а моя мать...

Он остановился мгновенно. Резко вскинул голову и, глядя в мои глаза, не скрывая ярости, произнес:

– Твоя мать – шлюха!

У меня от подобного все наваждение с голодом желания схлынуло мгновенно. Приподнявшись, насколько позволяла ситуация, я как рывку на него:

– Не смей оскорблять мою мать!

Черные глаза, так напоминающие папика, мгновенно сузились, все его мышцы напряглись, даже вены проступили, уж думала, и рычать начнет, но вместо этого услышала:

– Твоя мать, Киран, сбежала от нашего отца и отдалась главнокомандующему вражеской армии. Сама! Позволяя ему брать себя снова и снова! Как тьаме.

Левый хмыкнул и задумчиво пояснил: «Насколько я понял, ей понравилось с ним значительно больше, чем с твоим отцом. Кстати, не удивлен».

Не совсем понимаю, о чем речь, но реплика тени позабавила.

Воин мрачно проследил, как на моих губах расплывается ухмылочка, и отреагировал странно.

– Ты считаешь это нормальным? – приходя в бешенство, прохрипел Дьяр.

– Я? – невольно пожала плечами. – Я считаю, что между любимыми и любящими возможно все, на что хватает их фантазии. И если она его любила, то почему бы и нет. В этом случае неважно, как именно там все было, главное, чтобы это доставляло обоюдное удовольствие. У тебя другой взгляд на отношения?

Мой вопрос явно поставил его в тупик. Дьяр сел, задумался, потом нехотя произнес:

– Обязанность женщины – ждать ласки воина, Киран.

– Да? – искренне удивилась я. – И что, женщине полагается лежать бревном под воином и не рыпаться?

Тихое ругательство на незнакомом мне языке и очередная порция морали:

– Женщина не говорит о подобном.

Нормально.

Искоса взглянув на Дьяра, задумчиво спросила:

– Чувство собственного превосходства не жмет?

Тар-эн наглядно продемонстрировал, что именно жмет, а про чувство превосходства спокойно ответил:

– Нет.

– А должно было бы... – не стала молчать я.

Насмешливый взгляд и спокойное:

– Поговорим о тебе.

Тень, висящая в данный момент прямо над Дьяром, вдруг столь коварно ухмыльнулась, что мне стало жаль... воина. И словно почувствовав мой взгляд, тень прошептала:

– Возврррращай разговор к матери.

Это был хороший совет. Устроившись чуть удобнее, я миролюбиво улыбнулась Дьяру и поинтересовалась:

– А ты давно маму мою знаешь?

Очередная судорога ненависти на его лице, и все же воин ответил:

– Мне было тринадцать, когда я увидел ее впервые. Даже не ее – их. Твоя мать вечно была рядом с братом. – Он снова чуть скривился, лег на бок и, вырисовывая пальцем узоры на моем запястье, продолжил: – Это был мой первый бой. Летние состязания в Шоданаре, первый отбор для посвящения. Понимаешь, о чем я?

Отрицательно покачала головой. Дьяр нахмурился, мрачно пояснил:

– Два этапа перед посвящением – от трех и до тринадцати лет, затем от тринадцати и до семнадцати. В семнадцать посвящение в воины.

В общем, я сообразила, что это как отборочные туры, и просто кивнула, не желая

вдаваться в подробности, так как совсем другое интересовало сейчас.

– Риган и я победили в тот день, – продолжил воин, – отец был очень горд за нас, своих старших сыновей, хотя и не сомневался в нашей победе. Мы сомневались, но не отец. Он тренировал нас сам и всегда говорил, что мы будем на шаг впереди любого противника... со временем мы поняли, о чем он. А затем МакЭдл подошел поздравить с победой, с ним были его дети – сын и дочь, то есть твоя мать Киара.

Все интереснее и интереснее, одно непонятно:

– А что мама делала в толпе перекачанного мяса?

Рык, очень гневный, и я мгновенно исправилась:

– В смысле разве дочери воинов посещают Шоданар вместе с отцами?

Очередная недовольная гримаса и нервное:

– Твоя мать не совсем... женщина.

Каюсь, подумала о самом страшном...

– Она почти воин, – добавил Дьяр и тут же уточнил: – Была.

Все, я срочно хочу побеседовать с мамой! Срочно, немедленно и сейчас же, пока не погибла смертью храбрых от банального любопытства.

– И что было дальше? – Интересно же.

– Киаре было четырнадцать, – продолжил Дьяр.

Маме было четырнадцать, этому было тринадцать... Он всего на год младше мамы? Всего на год?! А папашке тогда сколько? А Нрого? А вообще, я этому кретину в дочери гожусь! А...

– Что? – хмуро спросил воин.

– Ничего-ничего. – Я даже постаралась улыбнуться. – Продолжай.

И Дьяр продолжил:

– Твоя мать не была красивой – слишком худая, слишком резкая, волосы коротко стриженные, никакой женственности, да и вела себя... неподобающе. Смешно сказать, она тоже участвовала в отборочных сражениях, но проиграла. Победить в состязаниях Пантера МакЭдл смогла только через год, но отца она победила уже тогда – он изменился в один день.

Странно, полусидя здесь на шкурах, под странным навесом, рядом с мерцающим в свете двух лун озером, окруженная удивительными деревьями, чьи кроны переплетались, я смотрела на могучего, сильного мужчину и... видела маленького обиженного мальчика. А Дьяр говорил, рассказывал, выплескивал, казалось бы, давно забытые обиды, но вот он произносит слова и словно вскрывает старые раны.

– Отец был уважаемым воином! Могучим, имеющим сильных сыновей и почтительных жен, он был сыном хассара... а над ним посмеивались! Воин, утративший покой от любви, смешон!

Да, Дьяр действительно любил папку и очень за него переживал. А я любила маму и помнила, во что папка превратил ее спину!

– Ничего не поняла, – честно созналась я, – смеялись-то почему?

Чуть ссутулившись, воин произнес:

– Он потерял голову от Киары МакЭдл. Пантеры МакЭдл, той, что была хозяйкой в доме отца, что была тенью брата и вечно лизалась с Харро.

– Харро? – переспросила я.

– Младший брат хассара Нрого, их одногодка, – нехотя пояснил Дьяр. – Неразлучная тройца.

Меня так и подмывало спросить, чем эта троика занималась. Хотя, зная мамочку, им явно было весело. Дьяр заметил мой взгляд и просветил:

– Они носились по всему Иристану, порой пропадая месяцами. Леса, горы, реки, даже священная Каарда – они были везде.

– Уау! – Бракованный навигатор, жаль, меня с ними не было. – А вы так в детстве тоже развлекались?

Могучий воин совсем разозлился и с достоинством произнес:

– Мы тренировались! И не тратили время на глупые развлечения.

– А-а... – Я сразу все поняла. – Ты явно им жутко завидовал в детстве.

Тень, реявшая над нами ехидной тучкой, тут же закивала, а после даже и добавила: «И еще как! У них была свобода, а свобода на Иристане – роскошь невероятная. И да, спроси у этого, чего там было дальше. Интересно его версию послушать».

– Чего там было дальше? – послушно спрашиваю у воина.

Дьяр же внимательно смотрел на меня, затем, вскинув голову, посмотрел на тень, но явно ничего не увидел. Тень же выдала неприличный жест, потом рукой помахала. Я хмыкнула, стараясь не рассмеяться, но братец мою реакцию заметил:

– На что ты смотрела только что?

– Звезда упала, – не дрогнув, соврала я.

Дьяр как-то подобрался весь и произнес:

– Учитывая угол твоего зрения, увидеть ты могла только крышу навеса!

Ну да, умный, не поспоришь. Так я и не спорила, у меня тут жажда имеется, причем гибла я на сей раз исключительно от любопытства!

– Слушай, – меня просто подмывало спросить именно об этом, – а ты откуда знал, что мама с братом и другом пропадали месяцами?

Дьяр усмехнулся злой такой усмешкой, но все же ответил:

– После той встречи в Шоданаре отец постоянно следил за жизнью Киары МакЭдл. Он знал о ней все.

– Абсолютно все знать невозможно, – возразила я.

– Ты ничего не ведаешь о возможностях тар-энов, – мягко, но как-то весомо произнес Дьяр, – у нас много особенностей.

Я ничего не знала о воинах, но я точно знала, что тени их зрению недоступны. Вот и сейчас, когда к левой тени Нрого присоединилась и правая, лично я победно улыбнулась, уже понимая, что интимных отношений с Дьяром у меня сегодня не будет. Ну, а о том, чтобы их не было и в дальнейшем, я позабочусь.

«Акашшшши на подходе, – сообщил мне правый. – И да – у тебя грудь красивая».

– Что?! – возмутилась я.

– Ты. Ничего. Не ведаешь. О тар-энах, – разделяя каждое слово, произнес Дьяр, думая, что вопрос к нему обращен, и приказал: – Оставь, мне нравится.

– Нравится что? – Я огляделась, ища, чем бы прикрыться.

И тут вставил левый: «А я от чулочков кайфую. И ножки у нее очень даже... Где Нрого?»

«Нрого не появится, здесь воины из правящих. – Правый внимательно осмотрел меня с головы до ног. – Все-таки грудь смотрится лучше остального».

«Жалко, – левый тяжело вздохнул, – нет, положительно тар-эны не врубаются, как важен образ спасителя на белом хатархе для женского сердца».

«Не врубаются, – подтвердил правый, – к тому же, если бы он увидел ее грудь...»

«Это да, ему было бы уже не до спасения. – Левый похабно хмыкнул. – Зато какое это было бы зрелище!»

– А ну хватит! – возмутилась я.

Дьяр беседы двух теней не слышал, но мой возмущенный крик слышал отчетливо. Затем вслушался в темноту ночи, а после, практически уподобившись тени, метнулся к своим вещам и через мгновение был уже одет, и даже больше того – в его руке опять была плеть! Меня он ни о чем не спрашивал, только прошипел сквозь зубы:

– На цепь посажу, дрянь!

Я удивленно моргнула, но тут обе тени устроились по бокам от меня, и левая, радостно потирая ручки, возвестила: «Развлечемссся».

«Акаши прелесссть», – добавил правый.

Огромная белоснежная зверюга выпрыгнула из-за кустов, словно только и ждала приглашения от правой тени, и, не останавливаясь ни на миг, снежной лавиной помчалась на Дьяра. От первого броска он увернулся, вторым Акаши располосовала его грудь, украсив тремя наливающимися кровью полосами, а затем все было не так интересно, ибо они начали кататься по траве, причем зверюга явно планировала закусить шеей воина, а Дьяр удерживал ее морду, не допуская столь позднего ужина.

Тени одновременно выдали протяжный разочарованный вздох и занялись мной.

«Руки как?» – спросила правая тень.

– Чувствую, но он так плетью пережал, что до сих пор болят и слушаются плохо, – пробормотала я. – Ноги вообще не...

«Ты уже говорила, – перебил левый. – Сейчас покажу, куда нажимать, ставишь пальцы поверх моих, чуть надавливаешь».

Вообще, я, когда сравнивала тени с викрианскими глистами, не лукавила – те реально страшнее, но и в этих мало приятного. Когда черные, по очертаниям скорее на когти похожие пальцы тени легли на мои ноги, ощущений физических не было никаких, но психологически смотреть, как в твое тело входит что-то темное, оказалось жутко.

«Кирра!» – прошипела правая тень.

«Ей страшно, – осадила его левая, – не кричи на девочку».

Правый не кричал, правый приблизил свою призрачную морду ко мне и прошипел: «Мне отозвать Акашши?»

Очень результативная методика – «запугивание» называется.

– Нет! – мгновенно ответила я и... сдерживая ужас перед неведомым, но очень жутким, словно погрузила свои ладони в... лапы левого.

Отвратительное чувство ледящего страха, но я послушно нажимала на все следом за левой тенью, словно играла на каком-то инструменте, и через четыре хрипа Дьяра и одно поскуливание Акаши мои ноги вновь обрели возможность двигаться.

Вставала я с трудом, все же слишком сильно перетянул воин мои несчастные конечности, но ничего, справилась. Поднялась, потянулась, разминая затекшие мышцы.

«Возьми его рубашшку, в седельной сумке лежит, – произнес правый, – в таком виде путешествовать холодно и глупо, а бежать придется долго. Прого сможет подобрать тебя только на рассвете».

Рубашку Дьяра, все еще сражающегося с Акаши, я действительно взяла и надела, а вот далее следовать указаниям теней поостереглась, потому что правильную фразу сказал Араван: «Может ли мышка доверять кошке?» Я не доверяла. Я доверяла Накару и его людям,

доверяла братику Аравану и доверяла себе. На этом всё! И на этой планете – всё! Просто как-то слишком сложно, странно, неприятно и непонятно. Все непонятно! Непонятно, кто такие воины, непонятно, почему так добр ко мне Нрого, непонятно, чего в конечном итоге хочет папандр. А когда все вокруг очень непонятно, начинаешь действовать исключительно старыми и проверенными методами, доверяя понятным и проверенным знакомым.

«Ты кудассс?» – прошипела правая тень, когда я направилась к Дьяру.

Левая не стала препятствовать, только спросила: «Что нужно?»

– Сейр, – спокойно ответила я.

«В поясссе», – сдал инфу левый.

Правый недовольно шипел, но не вмешивался, потому как вдруг начал странно шипеть и похрюкивать при этом. Ну, Иристан странный, и тени тоже странные – все закономерно.

Когда я подошла, замерли оба: и Дьяр, с конкретно разодранной спиной, и Акаши, почти подобрываясь к его горлу и уже значительно пожевавшая мускулистое плечо воина. И мне так приятно было на это смотреть.

– Держи его, – попросила я Акаши и поднырнула под нее.

Снежная смерть заботливо приподняла заднюю ногу и даже заинтересованно скосила глаз. Но самое забавное – Дьяр не сразу сообразил, зачем я полезла к его штанам. А когда я нащупала его ремень и этот ремень начала расстегивать, у него вдруг глаза раза в два увеличились. И вот он смотрит на меня, я... я как-то начинаю догадываться, что у него там...

И тут обе тени – и правый, и левый – как заржут! А я, расстегивающая ошалевшему от такого мужику брюки, находясь под брюхом оторопевшей животины, только сейчас сообразила!

– Гады! – заявила я обеим теням. – Левый, а ты... ты... ты вообще сволочь!

Они продолжали потешаться. Они так хохотали, что темная субстанция, являющаяся их призрачными телами, начала волнами ходить!

Пунцовая от смущения, я мгновенно оставила брюки Дьяра в покое. Вынырнула из-под Акаши и направилась к зверюге тар-эна.

«Киrrрр, – левый подлетел ко мне, – это была шутка».

Молча показала тени очень неприличный жест.

«О да, – правый тоже подлетел, – нужно было сказать ей, что сейр находится именно под той штукой, которую она сейчас пальчиками имитировала».

Какой хозяин, такие и тени! Ругаясь про себя, я обшарила седло жующей листья верховой зверюги и нашла заветный сейр. Черный, матовый комок, с изменяющейся фактурой. И потопавав прочь от полянки и сражающихся Дьяра с Акаши, я начала разбираться в управлении.

«Эй!» – возмутились обе тени разом.

– Привет Нрого, – невозмутимо послала их я.

Тоже мне шутники нашлись!

Уйти они мне не дали – оба мгновенно появились на моем пути, левый успокаивающе начал: «Кирысик, ну весело же было».

– Угу, особенно глаза Дьяра, когда я к нему в штаны полезла!

Снова заржали оба. Правый так вообще на землю свалился и трепыхался там, левый давился смехом, продолжая преграждать мне путь. Внезапно застыли.

«Акаши, – тихо произнес правый, – чует приближение чужих».

«МакВаррас?» – встревоженно, спросил левый.

«Аэ, – последовал ответ правого. – Я отзываю зверя, уводи Киру».

И правый исчез. Левый указал на кусты, и, присмотревшись, я увидела едва заметную звериную тропку.

«Бежать сможешь?» – вполне серьезно спросила тень.

– Есть выбор? – Я тяжело вздохнула. – Город в каком направлении?

«До города, девочка моя, нам еще дожить нужно, – задумчиво произнес левый. – Давай ползком, и тихо. Живо, Кира!»

Он это очень серьезно сказал. Так, что я в мгновение нырнула в кусты и по-пластунски проползла под ветвями. Тень плыла рядом, указывая направление и время от времени прислушиваясь к происходящему. Лично я не слышала ничего, а вот левый... Левый становился все более мрачным.

Метров через триста в спину мне ткнулся холодный нос Акаши, а появившийся рядом правый зло произнес:

«МакВаррасы прибыли с хассаром. Хассар в ярости. Но проблема не они».

«Аэ?» – спросил левый.

«Был один из Таргаров, сейчас с ним двое Аэ. Признаки иерархии скрыты, не вмешиваются, только наблюдают».

«Еще новости?» – мрачно поинтересовался левый.

«Аэ засекли след Киры, МакВаррасы нет. – Правый склонил голову, вглядываясь в меня, и повторил вопрос: – Бежать сможешь?»

– Я все смогу, – ответила шепотом. – А что, надо?

Тени переглянулись. Видимо, принимали какое-то решение, которого не желали оба.

«Акаши уведет погоню, – скривившись, произнес правый, – ты связываешься с Нрого и мчишься к нему».

Уклончиво кивнула. И вдруг услышала, как хрустнула ветка... Дальше все случилось неосознанно – я сорвалась с места, мысленно прикинув расстояние до ручья. Акаши за мной. Тени я просто потеряла из виду.

Передвигаться босиком по лесу – сомнительное удовольствие, но я побежала. Так быстро, как только могла, и столь же бесшумно. Позади мчалась Акаши, и это было жутковато – она не Икас, и у нее вся морда была в крови.

Достигнув ручья, я побежала не в пример быстрее – дно оказалось песчаным, сам ручей в этом месте крайне мелким, так что проблем не возникло. Акаши, перепрыгнув ручей, помчалась в другом направлении... Видимо, приступила к уведению погони.

А я бежала... бежала, бежала и снова бежала. Старательно припоминая путь, по которому привез Дьяр, и молясь, чтобы как можно скорее оказалась на открытом пространстве. Примерно через километр, свернув с русла ручья, я вышла в степь. Не остановилась ни на миг, но теперь двигалась шагом, одновременно пытаюсь включить сейр.

Разобралась в управлении сейром шагов через сто, вбила заученные параметры связи и вскоре уже смотрела на шефа.

– Жива. – Не вопрос, утверждение.

– Икас, он... – торопливо начала я.

– Жив, у Накара. Противоядие ввели. Ты в безопасности?

О, дышать сразу стало легче и думать теперь нужно было о себе, поэтому отвечаю:

– Пока в степи.

– Ясно. Сейр твой?

– Нет, у старшего сына папандра позаимствовала.

– Ясно. Остановись. Экран направь вверх, чтобы я видел звезды.

Направила. Стою, жду. Минут через семь шеф снова вышел на связь:

– Кира, сейчас поворачивай направо четко на девяносто градусов и старайся двигаться по прямой. Бежать сможешь?

Сговорились они все, что ли?!

– Да, – устало отвечаю.

– В таком случае чего стоим? – ехидно поинтересовался шеф. – Бегом! Накар подберет тебя. Двигай.

Без вопросов. Развернулась и побежала. Все так же босиком, но иной раз выбирать не приходится.

* * *

Спустя четыре часа, несчетное количество заноз, трижды ударенный мизинец на правой ноге и армию колючек в рубашке Дьяра, что доходила до колен почти, меня наконец подобрал Накар. В буквальном смысле подобрал – я свалилась и лежала в траве, обнимая ударенную о бульжник ногу и тихо подвывая.

И вот лежу, вою, а сверху:

– Ну и чего мы тут загоряем?

Но поднял, помог забраться на платформу, и вскоре мы улетали, держась поближе к земле. А когда, пошатываясь и постанывая, я входила в гелликс, оттуда, повиливая хвостом, ко мне выскочил Икас. И я заплакала. Ревела от усталости, обиды и еще чего-то мало приятного, обнимая Икаса и зарываясь мокрым лицом в его шерсть. Затем уже не ревела, а тихо всхлипывала, прижимаясь к зверю, пока Накар, ругаясь сквозь зубы, вытаскивал из моих ног занозы разной длины и степени ядовитости.

[Купить полную версию книги](#)